

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ДИАХРОННОЙ МОРФОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Габор Балаж

1 Введение

В настоящей работе я постараюсь рассмотреть основные вопросы истории склонения существительных в славянских языках. В первой части я рассматриваю проблемы реконструкции праславянских окончаний, с обзором наиболее распространенных в наши дни теорий, касающихся данной области. Вторая часть будет посвящена анализу некоторых конкретных славянских флексий с охватом тех исторических тенденций, которые в значительной мере определили оформления настоящего облика славянской деklinации. Таким образом, работа имеет преимущественно сравнительно-исторический характер, но одновременно касается некоторых вопросов реконструкции флексий, с одной стороны, и методологии и типологии, с другой.

Нельзя сказать, что в специальной литературе, посвященной вышеупомянутым вопросам, в большом количестве можно найти статьи, монографии или книги. Тем не менее, в тех работах, которые вышли в свет, очень часто находим слишком разные мнения и объяснения в связи с той или иной проблематикой. Такая ситуация побудила меня к более тщательному анализу данной области славянской диахронной лингвистики.

За побуждение моего научного интереса к славянской исторической морфологии, в том числе и к историческим вопросам склонения существительных и к теориям, истолковывающим их, я благодарен в первую очередь профессору Имре Тоту, который в значительной мере способствовал моим исследованиям. Я также благодарен всем коллегам и особенно тем крупным специалистам в области славистики, которые мне немало помогли своими идеями

и критическими замечаниями, прежде всего профессору Петеру Кираю.

1.1 Краткая предыстория славянской диахронной морфологии

Несмотря на свое значение, историческая (или диахронная) морфология славянских языков долгое время была оттеснена на задний план по сравнению с остальными дисциплинами славистики. Прежде чем рассмотреть ее современное состояние, целесообразно упомянуть и те работы, которые были написаны ранее в данной области. Здесь, естественно, нет возможности сказать обо всех статьях и монографиях, которые в большей или меньшей мере затрагивали славянскую грамматическую систему или ее развитие, поэтому остановимся лишь на тех, которые вплоть до последнего времени сохранили в определенной степени свою актуальность. Таких работ, которых уже можно считать классическими, к сожалению немного. Среди них только одна была посвящена славянскому склонению: *O. Hujer, Slovanská deklinace jmenná (1910)*. Эта монография вызвала особый интерес славистов некоторыми своими представлениями, отличными от младограмматической традиции. Идеи Гуйера до сих пор сохранили свою актуальность, и временами появляются в более новой литературе, в том числе в работах Ф.В. Мареша.

Из ряда систематизирующих работ, использующих средства сравнительно-исторической лингвистики, выделяется книга *A. Meïe, Общеславянский язык (A. Meillet, Le slave commun, 1924, 1934)*. Характерно для популярности этой книги, что в 1951 г. выходит в свет ее русский вариант в переводе П.С. Кузнецова. В данной работе Мейе подробно занимается славянской грамматической системой, между прочим и проблемами склонения существительных, превосходя своими методами трактовку младограмматиков (ср. Birnbaum 1979:31).

Важным руководством сравнительно-исторического языкознания славянских языков был сочинение: *W. Vondrák, Vergleichende Slavische Grammatik*, особенно его второе, значительно

переработанное издание (1. *Lautelehre und Stammbildungslehre*, 1924; 2. *Formenlehre und Syntax, neuarbeitet von O. Grünenthal*, 1928). Следует заметить, что во втором томе, при трактовке именного склонения, Вондрак использует сравнительно новые взгляды вышеупомянутой монографии Гуйера, но он ссылается и на мнения других авторов (напр. Зубатого).

Кроме перечисленных работ назовем еще две: *J.J. Mikkola, Urslavische Grammatik* (1. *Lautelehre: Vokalismus, Betonung*, 1913; 2. *Konsonantismus*, 1942; 3. *Formenlehre*, 1950), и *F. Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen I-IV*, 1852/1875. С точки зрения исторической морфологии эти работы отстают в своей актуальности от приведенных работ Гуйера и Мейе, поскольку их главы, трактующие грамматическую систему, устарели, и многочисленные утверждения, выводы в них потеряли свое значение. (Конечно, это не относится к двум сочинениям в целом, ведь значение обоих бесспорно в истории славянского языкознания.)

Со времени издания упомянутых работ, славистика, как и все науки, прошла через значительный путь развития, хотя не все ее области были затронутыми изменениями в одинаковой мере. В ходе последних десятилетий из морфологических дисциплин выдающихся успехов достигла синхронная морфология славянских языков, в то время как сравнительно-исторические исследования касались в первую очередь проблем фонетики и фонологии. Диахронная морфология, однако, во многом отставала от обеих упомянутых областей, как в области своих достижений, так и в своих методах (ср. Георгиев 1969:7 и 1978:5). В 1966 году В. Барнет написал, что структурная диахрония все еще считается молодой дисциплиной, особенно морфология, которая до тех пор не успела определить даже своего предмета; она поставила лишь вопрос, из каких предпосылок должен исходить анализ (1966:193). К середине 70-ых годов данное состояние во многом улучшилось, хотя многие проблемы остались нерешенными. Г. Бирнбаум (1979:273) характеризует данную эпоху следующим образом:

"... В последние годы исследования, занятые обрисовкой и изучением диахронной динамики парадигматических (в области словоизменения и словообразования) изменений системы словоформ праславянской (и ранней славянской) поры достигли известного прогресса за счет того, что они переоценили прежние взгляды в отношении морфологической структуры славянского языка дописьменной поры, и открыли новые способы и средства подхода к проблеме. Из этих достижений некоторые уже отражаются в общих представлениях о праславянской морфологии, и представляют их в рамках нескольких более современных учебников и пособий, предназначенных для университетского пользования... Все-таки, множество релевантных научных работ, занимающихся теорией и методом, пока можно найти в форме статей и — изредка — монографий."

Из упомянутых Бирнбаумом более общих работ безусловно достойны внимания следующие: *A. Vaillant, Grammaire comparée des langues slaves I-V, 1950/1977*; *H. Bräuer, Slavische Sprachwissenschaft I-III, 1961/1969*; *О.С. Мельничук (редактор), Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов, 1966*; *Z. Stieber, Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich, 1966/1971*. Подробно характеризовать или оценивать перечисленные работы здесь не буду, отмечу только то, что для истории славянского склонения существительных предоставляют надежное количество соответствующего материала в первую очередь сравнительные грамматики Вайана и Брайера.

Из более новой литературы следует отметить два руководства, которые несмотря на то, что они являются грамматиками старославянского языка, трактуют проблемы славянской declinacji со сравнительно-исторической позиции, таким образом способствуя решению вопросов диахронной морфологии: *R. Aitzetmüller, Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft, 1978*; *W.R. Schmalstieg, An Introduction to Old Church Slavic. Second Edition. Revised and Expanded, 1983*.

Перечисленные работы — в силу своего характера — не затрагивают все проблемы диахронной морфологии, они занимаются скорее происхождением отдельных окончаний. Этим объясняется тот факт, что в них, рядом с более или менее важными частными проблемами, почти не упоминается об основных вопросах принципиального значения, без которых, однако, немислимо методологическое обоснование исследования данной дисциплины. Такую задачу впервые взял на себя П.С. Кузнецов (1961, 1961а), а вслед за ним Ф.Ш. Мареш (Mareš 1962, 1963а, 1963б, 1964, 1967, 1968), В. Барнет (1966), В.И. Георгиев (1968, 1969, 1978), В.К. Журавлев (1976, 1977) и др.

1.2 Главные проблемы диахронной морфологии

Чтобы рассмотреть изменения славянской грамматической системы, необходимо реконструировать морфологическую систему праславянского языка. Однако, существующие данные и способы исследования позволяют нам узнать лишь самую раннюю и самую новую стадии общего славянского развития. Что касается последнего, его исследованию помогает прежде всего старославянский язык, и в меньшей мере древнерусский своими малочисленными диалектальными чертами (ср. -ę : -ě; -омь : -ьть в склонении существительных). К изложению же раннего праславянского состояния языка данные предоставляются, с одной стороны, сравнительной грамматикой индоевропейских языков, а с другой, внутренней реконструкцией морфологического строя. Картина, таким образом, является достаточно отрывочной, неполной. Поскольку применимые к историческому исследованию морфологические системы отделяются друг от друга таким огромным интервалом, то для установления промежуточных этапов развития и относительной хронологии, нет более надежного способа, чем приемы внутренней реконструкции. Следовательно, объяснения в отношении происхождения отдельных окончаний часто оказываются случайными, их единственной целью является "примирение" индоевропейских окончаний с соответствующими славянскими

флексиями (ср. Andersen 1971:950; Virmbaum 1979:150-151, 272-273; Топоров 1975:287).

1.3 Трудности в связи с реконструкцией отдельных окончаний

При поисках происхождения отдельных славянских окончаний — в связи с трудностями реконструкции морфем — часто неясно, имеем ли дело с чисто фонетическим изменением, или исходная флексия была оттеснена какой-либо новой морфемой. Ввиду того, что звукосочетания конца слова не всегда имеют точные соответствия внутри слова, возникает следующая проблема: *существовали ли в славянском особые, характерные только для конца слова, а внутри его не действующие фонетические закономерности?*

Специальная литература обыкновенно отвечает на этот вопрос положительно. Однако это вовсе не означает, что отдельные исследователи, которые принимают существование особых окончаний в конце слова, их "звуковые законы" (*Auslautgesetze*) трактуют одинаково. В дальнейшем я подробнее буду заниматься данной проблематикой. Довольно редко можно встретиться с таким мнением, которое категорически отвергает особые тенденции в развитии конца слова, и по которому в конце слова действительны те же закономерности, что и внутри его (ср. Георгиев 1969:37; Mańczak 1969:59-60, 1970a:64).¹ Поскольку оба предположения совместимы с имеющимися индоевропейскими языковыми данными, с методологической точки зрения необосновано предпочесть одно другому (ср. Andersen 1971:951).

¹ В некоторой степени такое мнение разделяется и Людтке, который отрицает качественные изменения конца слова, но принимает количественные (ср. Lüdtkе 1966:117-141).

1.3.1 Фонетический принцип

Предположение особых закономерностей конца слова служит принципиальным исходным пунктом для тех толкований, которые пытаются вывести славянские флексии из восстановленных индоевропейских окончаний преимущественно *фонетическим путем*.

При изучении тенденций развития конца слова в славянском² выясняется, что они обыкновенно похожи на изменения, происходящие внутри слова. Такими общими фонетическими изменениями являются следующие: а) утрата переднеязычных смычных (*d, t*) в конце слова (и в конце слога); б) утрата *s* в конце слова (и слога); в) монофтонгизация нисходящих дифтонгов: **ou/*eu > u, *ei > i, *oi/*ai > ě* (в конце слова встречается и *i*!). Расходятся мнения в отношении судьбы конечного **-os*; многие полагают здесь особое изменение конца слова, в то время как другие нет. (См. об этом подробнее при трактовке окончаний существительных основы на *-o-*!)

Кажется, значительная часть исследователей считает критерием особых закономерностей конца слова наличие носового согласного за гласным последнего слога. Согласно такому предположению существует три типа звукосочетаний, где можно ожидать особые изменения, а именно: 1) гласный (в дальнейшем: *V*) + *n, m* (в дальнейшем: *N*); 2) *V + N + t*; 3) *V + N + s*. С точки зрения данных звукосочетаний слависты, принимающие существование особых закономерностей конца слова, почти полностью соглашаются в рефлексам развития, вопреки тому, что в связи с некоторыми частичными вопросами они придерживаются различных мнений. Из окончаний именного склонения к этой группе относятся следующие (без указания морфологических категорий):

1. **-ǫN/*-ǣN > -ъ*

² Под концом слова (*Auslaut*) понимается звук или звукосочетание между корнем и паузой, следующей за словом.

*- <i>ūN</i>	> -ъ
*- <i>īN</i>	> -ь
- <i>āN</i> /- <i>ōN</i>	> -ǫ (в некоторых случаях -у, ср. Mažiulis 1965; Trummer 1978; Wernke 1984)
*- <i>ēN</i>	> -ę

2. в склонении существительных не встречается

3. *- <i>ōNs</i> /*- <i>āNs</i>	> -у
*- <i>ūNs</i>	> -у
*- <i>īNs</i>	> -ī
*- <i>āNs</i>	> -у.

Предположение о приведенных звуковых изменениях нельзя считать новым, но примечательно, в какой мере оно актуально в последние десятилетия (ср. например Vaillant 1950:200-220; Bräuer 1961:103-107; Mareš 1963; Shevelov 1964:156, 266-267, 332-335; Arumaa 1964:110-117; Gălăbov 1973:5-17; Aitzetmüller 1978:52-54; Велчева 1980:323-328; Holzer 1980:7-27; Добрев 1982:29-33; Wernke 1984:145-147 и т.д. Следует, однако, добавить, что за согласием с существованием и самими результатами данных тенденций развития конца слова, скрываются часто совершенно разные теоретические подходы.

Согласно традиционному толкованию, гласные, находящиеся в конце слова перед носовым согласным — именно под влиянием последнего —, становятся более закрытыми, а в звукосочетании *V + N + s* подвергаются и дополнительному удлинению. Так как явление известно и доказуемо в целом ряде языков, его нельзя считать случайным (ср. Shevelov 1964:156). Таким образом неудивительно, что и более новые исследования пользуются вышеупомянутым объяснением. Особого внимания заслуживают те работы, в которых авторы пытаются теоретически обосновать отдельные тенденции звуковых изменений. С такой точки зрения значительна указанная статья Мареша, в которой он излагает мнение, по которому изменения в конце слова подчиняются важной

фонетической закономерности, т.н. "закону сохранения моричной ценности слога" (*zákon zachování morické hodnoty slabiky*), ср. Mareš 1963:52. Это означает, что в ходе звуковых изменений "моричная ценность" отдельных компонентов слога может изменяться, а количество слога в целом должно оставаться неизменным. (Употребление термина "слог" здесь довольно произвольно, так как речь идет о морфологических единицах, а не о чисто фонетических.) Моричная ценность согласных и "редуцированных" гласных (ə, ɐ) — 0, сонантов и кратких гласных (ъ, ь) — 1, долгих гласных — 2. Развитие конечного звукосочетания **-oNs*, например, Мареш реконструирует следующим образом: ие. **-ons/*-ans* > сл. **-ǎNs* > **-əNZ* > **-y* : *vľky; ženy, API*. Изменения моричной ценности следовательно: $1 + 1 + 0 = 2 - 0 + 1 + 1 = 2 - 2$.

Как ни оригинально и хорошо обозримо это толкование, его нельзя считать свободным от недостатков. Довольно трудно представить, например, что у гласного, обозначаемого знаком ə, нет моричной ценности, в то время как тот же самый гласный является слогаобразующим (как все гласные). Тоже не очень убедительно, что окончания *-om, -um* — одноморичные, а флексии *-ons, -ans, -ins* — двуморичные. Проблематично доказание качества отдельных, восстановленных Марешом гласных и согласных так же, как объяснение исключений (ср., между прочим, Mańczak 1970:218-219; Георгиев 1969:18; Trummer 1978:254).

Г.Ю. Шевелов и Б. Велчева изучают проблемы конца славянского слова прежде всего с позиции исторической фонологии. Они пытаются установить относительную хронологию отдельных явлений конца слова, но приходят к разным выводам (Shevelov 1964:333, Велчева 1980:323-328).

Й. Принц рассматривает развитие конца праславянского слова, также учитывая относительную хронологию (Prinz 1977:259-274). Он подробно занимается специальными фонетическими аспектами окончаний, выдвинув следующие основные положения: 1) конечные слоги, встречаемые и под ударением, развиваются так же, как корневые слоги; 2) конечные слоги, никогда не встречаемые под ударением, в соответствии с одной общей тенденцией,

ослабевают; 3) щелевой *-s*, закрывающий слог, переходит в следующий слог еще до установления тенденции к восходящей звучности, и таким образом такой *-s* может оставаться лишь в конце слова (качество позиции определяется ударением); 4) в ранней стадии праславянского языка (подобно балтийским языкам) предполагается наличие своеобразных длинных гласных (*Kontraktionslänge*), которые свидетельствуют об особых акцентуационных отношениях. Принц, следовательно, — вопреки общераспространенному мнению — придает ключевое значение ударению в решении проблем конца слова.

В последнее время Г. Гольцер тщательно изучал праславянскими закономерностями конца слова. По его мнению контекст таких особых закономерностей определялся паузой, следующей за словом, поскольку остальные контексты были возможны и внутри слова. Условием их действия была сонорность последней фонемы окончания, в противном случае происходили такие же изменения, как внутри слова (Holzer 1980:7-13). Автор сначала перечисляет окончания, на которые могли повлиять закономерности конца слова, а потом начинает изложение их фонетического развития. При этом он нередко полагается на взгляды и систему обозначения Мареша. В конце статьи приводится обобщающая таблица, в которой указывается и на относительную хронологию данных изменений. Гольцер постарался объяснить как можно больше явлений конца слова как можно меньшим количеством звуковых законов.

Принятие особых закономерностей конца слова не влечет за собой исключительность фонетических толкований в диахроническом исследовании славянских флексий. Большинство упомянутых славистов прибегает к морфологическому объяснению, или по меньшей мере признает наличие такой возможности при реконструкции отдельных падежных окончаний в системе существительных.

1.3.2 Морфологический принцип

Высказывание, обратное последнему не всегда верно: В.И. Георгиев отвергает предположение закономерностей, касающихся только конца слова, и вместо них предлагает морфологическое толкование (1969:37-40):

"В праславянском гласные в конечных слогах подчиняются тем же фонематическим законам, как и в других слогах слова. В противоположность господствующему пониманию можно доказать, что здесь нет особых редуций гласных в конечном слоге, как например в прагерманском или латинском. Праславянский был архаичным индоевропейским языком с преимущественно музыкальным ударением, приблизительно как древнеиндийский и древнегреческий: в таких языках обыкновенно нет редуции гласных в конечных слогах. Утрата конечных согласных связана не с редуцией, а с законом открытия закрытых слогов... На основании падежных и глагольных окончаний *невозможно* создавать точных фонематических законов..., так как здесь действуют морфологические закономерности..."

1.3.3 Статистический принцип

Подобно Георгиеву, В. Маньчак тоже не принимает закономерностей, касающихся конца слова, но он одновременно отвергает и морфологические законы, занимая, таким образом, явно антиструктурное положение. Он пытается использовать теорию Г.К. Ципфа и У. Горна в отношении проблем исторической славистики, и заявляет, что развитие праславянских конечных слогов не отличается от развития внутренних слогов. Причиной обнаруживаемых различий — за исключением аналогичных изменений — является неправильное фонетическое развитие, приписываемое *частому употреблению*. Особенно часто употребляемые элементы — морфемы, слова, словосочетания — в большей или меньшей мере сокращаются, подвергаются редуции, также как в романских языках, или в языках вообще (ср. Mańczak 1969, 1970a, 1970b). Для иллюстрации своих взглядов в связи с развитием флексий, польский

филолог приводит и статистические данные, полученные в результате изучения старославянских текстов (1970а:86-87):

падеж	словоформа с неправильным окончанием	встречается	словоформа с правильным или умеренно редуцированным окончанием	встречается
И. ед.	рабѣ	136	слово	9
В. ед.	рабѣ, врачь	56	лѣто, поле	29
И. мн.	рабѣи	36	рабѣ (М. ед.)	15
В. мн.	рабѣи	20	врача	1
Т. мн.	рабѣи	10	врачи	—
Р. ед., И-В- Зв. мн.	гладѣи	27	дѣша	11

По мнению Маньчака из таблицы видно, что окончания, характеризующиеся правильными, действующими и внутри слова закономерностями, встречаются реже, чем те флексии, которые свидетельствуют о неправильной редукции.

Это обычно действительно так, но возникает несколько проблем: 1) Окончание В. мн.ч. -ѣ, которое считается автором результатом правильного фонетического развития, встречается всего лишь однажды. Если это так, как объяснить древнерусскую флексию -ѣ, которая имеет такую же грамматическую функцию, значит, встречается также нечасто, но ни в коем случае не является фонетически правильной? Подобное положение и у окончаний Р. ед.ч., И-В-Зв. мн.ч. типа дѣша. 2) К более редко встречающимся

окончанием относится и флексия Т. мн.ч. -у, фонетическое толкование которой имеет серьезные трудности. 3) Еще не выяснено, является ли окончание -о в слове результатом правильного фонетического развития или аналогии. 4) Фонетическое объяснение флексии В. мн. -у невозможно без учета особых закономерностей конца слова, отвергнутых Маньчаком.

Из-за приведенных проблем диахроническое применение закона Ципфа нельзя считать всеобщим и удовлетворительным.

1.4 Проблема аналогии

Поскольку только часть славянских окончаний можно объяснить путем фонетического развития из соответствующих ранних праславянских, или более древних индоевропейских флексий, мнения о происхождении остальных, фонетически трудно или вообще не выводимых окончаний, можно разделить на две группы. Подавляющее большинство славистов придерживается традиционного мнения: в данном случае мы имеем дело с морфологической *анalogией*. Представители второй группы — Ф.В. Мареш и В.И. Георгиев — высказывают мысль о неспособности аналогии решить морфологические проблемы, и предлагают вместо нее прибегнуть к т.н. морфологическим законам.

1.4.1 Мнение Георгиева и Мареша

Георгиев полностью соглашается с точкой зрения Мареша, согласно которой:

1) Развитие склонения существительных является результатом постоянного взаимодействия фонологических и морфологических закономерностей. Это означает, что *нет места для аналогии*; в каждом явлении, которое раньше считалось проявлением аналогии, мы видим результат морфологического развития, которое не бывает случайным. — 2) В отсутствии какого-либо особого стимула каждая форма развивается

· чисто фонологическим путем. Только если чувствуется влияние какого-либо импульса, начинается *морфологическая реализация* данного развития (Мареш 1968:42; Георгиев 1969:17).

Главная причина, почему аналогия им отвергается, следовательно, заключается в том, что она случайная, непредвиденная. Морфологические изменения, однако, происходят в соответствии с определенными морфологическими законами, таким образом, их результаты так же предвидимы, как и в случае фонологических изменений (Георгиев 1969:31). Чтобы занять одну из двух позиций в данном вопросе, приходится выяснить понятие аналогии, и вместе с тем, является ли ее существенным качеством непредвидимость.

1.4.2 Дефиниция аналогии

Одной из распространенных дефиниций аналогии является следующая (Ахманова 1969:45):

"Уподобление, обусловливаемое влиянием, которое оказывают друг на друга так или иначе связанные между собой элементы языка; стремление к распространению продуктивной модели (словоизменения, словообразования, фонетического изменения и т.п.) как предполагаемая причина нефонетического изменения форм слов".

Эта дефиниция не противоречит классическому, введенному в языкознание младограмматиками толкованию, но ее следует дополнить следующим образом:

Поскольку аналогическое новообразование представляет собой решение пропорционального уравнения, ясно, что к составлению таких пропорций необходимо наличие *по меньшей мере трех* подходящих членов. Каждый из них должен иметь какое-либо отношение к другому; в данном случае это значит, что любому члену надо походить на один

член в связи с материальным элементом, а на другой — в связи с формальным элементом. Итак, например в латинском можно составить уравнение $animus : animi = senatus : x$, в то время как уравнение $animus : animi = mensa : x$ — нет. Таким образом, флексия какого-либо слова может подчиняться аналогическому влиянию со стороны флексий других слов, если у данного слова есть одна или более таких форм, образование которых совпадает с образованием тех же форм других слов (ср. Пауль 1960:139).

Из вышесказанного следует, что критерием аналогии (греч. *ἀναλογία* = пропорция) является выражаемость путем пропорции, условие которой — материальное или формальное сходство отдельных членов. Если этот критерий выдержан, с полным правом можно употребить термин *аналогия*.

Такие моменты морфологического развития, как перенос окончаний из других основ, или из местоимений с тождественными основами, унифицирование корня внутри данной системы склонения, уравнение между отдельными типами склонения и пр. удовлетворяют упомянутое требование, значит они являются аналогическими изменениями. Именно поэтому нет оснований для введения нового термина в данных случаях.

Так как и Мареш, и Георгиев признают, что вышеуказанные морфологические изменения играют ключевую роль в истории склонения существительных (об этом будет сказано позже), можно констатировать, что названные авторы отрицают не данное явление, а лишь его название. Таким образом, данная проблема имеет терминологический характер: морфологические изменения и аналогические изменения можно считать синонимичными понятиями.

Что касается "непредвиденности", неправильности аналогии, приходится сказать следующее. В отличие от звуковых законов, младограмматики и их последователи использовали аналогию для объяснения многочисленных, на вид не взаимосвязанных явлений. Эти явления часто находились на разных языковых уровнях, и

поэтому аналогия оказывалась "слишком широким пояснительным принципом" (Н. Tóth 1977:91). Как указал Дж. Лайонс, младограмматики резко разграничивали "физическую" сторону языка, т.е. звуки и характерные для них закономерности, и "психологическую" сторону, т.е. грамматическую структуру. По их мнению, закономерности правильного развития могли относиться только к "физической" стороне. В наши дни, однако, уже известно, что способ сцепления звуков с целью создать слова и предложения, нельзя объяснить исключительно "физической" природой данных звуков: "Принцип аналогии также важен для создания правильных звукосочетаний отдельных языков, как для оформления грамматических парадигм" (Lyons 1971:32, 37). Понятие звуковых законов и аналогии — хотя оно происходит из 19-ого столетия — нельзя считать устаревшим. Задача поэтому заключается не в поисках новых названий, а в разработке таких методов, с помощью которых можно захватить функционирование обоих понятий, вместе со взаимоотношением между ними. На почве структурной лингвистики стало возможной правильная оценка этих двух языковых явлений, и выяснение их отношения друг к другу. Очень поучительно мнение об этом Р. Якобсона:

Тема, которая прежде заполнила произведения младограмматиков, т.е. проблема постоянной борьбы между звуковыми законами и аналогическим уравнением, снова стала актуальной. Две концепции этой борьбы сменяли друг друга в истории языкознания. Согласно первой, грамматическая аналогия — это неправильность, нарушение строгих звуковых законов. Противоположное мнение, которое категорически выражалось в произведениях Соссюра, заключается в том, что грамматическая аналогия полезно уравнивает подрывное влияние слепых и случайных звуковых законов. В действительности ни звуковые изменения, ни действие грамматической аналогии не следует воспринимать как "вторжение" (*cambriolage*). В системе языка выделяются два плана: грамматическая система элементов со значением, и

фонологическая система пустых различительных признаков, лежащих в основе первых. Звуковые изменения, или в более широком смысле слова, фонологические группировки и перегруппировки направлены на систему различительных признаков, в то время как аналогия стремится к регулированию и перерегулированию грамматической структуры (ср. Jakobson 1949:112-113).

1.4.3 Морфологическая индукция

В связи с аналогией в специальной литературе встречается еще один термин: грамматическая *индукция*. Разницу между грамматической индукцией и грамматической аналогией Л.А. Булаховский видит в том, что последнее является т.н. "косвенной индукцией", которая основывается на сходстве разных парадигм, в то время как "прямая индукция" затрагивает окончания внутри парадигмы слова (Булаховский 1956:17). Употребления термина "индукция" нераспространенное, вместо него встречаем "внешняя" и "внутренняя" аналогия (ср. Н. Tóth 1976:121-122). Независимо от терминологии, Булаховский (1956, 1957) одним из первых сознательно применяет аналогию к решению некоторых вопросов славянской исторической морфологии, причем он указывает на несколько закономерностей ее функционирования. Он подчеркивает, между прочим, что проявление аналогии не всегда бывает полным, иногда она затрагивает лишь небольшое количество слов. Булаховский изучает отношения между падежами, и возможные направления их взаимодействия, обращает внимание на то, что порой возможно параллельное употребление нескольких вариантов без смысловой или стилистической разницы. Он также указывает на ту важную закономерность, что "индукция" нейтрализует фонетические законы. Эти наблюдения выдвинули немало новых проблем, которые побудили к дальнейшим исследованиям, но на многие основные вопросы ответов еще нет.

1.5 Структурный принцип в исторической морфологии

Становится все яснее, что в исторической славистике традиционному подходу, основанному главным образом на взглядах младограмматиков, приходится уступить место новой, использующей достижения структурной лингвистики трактовке проблем (ср. Jakobson 1929:105; 1931:202-203; 1953:227). Так как структурализм сначала существовал лишь в рамках дескриптивной лингвистики, прежде всего нужно было выяснить отношение синхронии и диахронии, пригодность описательных методов и принципов для диахронии.

Воспринимая язык как систему, Ф. де Соссюр сделал возможным его структурное описание, однако он предполагал случайное происхождение этой синхронной системы, значит в диахронии новый подход не действовал. Желая преодолеть дихотомию Соссюра, Якобсон высказал следующее мнение: "Теория диахронии языка возможна только с точки зрения проблемы изменений структуры и структуры изменений". Таким образом отношение между диахронными и синхронными законами можно определить как отношение между средством и результатом (ср. Jakobson 1929:106-110).

Историчность и синхронность в языке следует воспринимать в их тесной взаимосвязи, отношение между статичностью и динамичностью представляет собой одну из самых значительных диалектических антиномий, определяющих сущность языка (ср. Jakobson 1931:220). Перегородка, разделяющая синхронное и диахронное языкознание, не существует, структурный подход одинаково важен для обоих исследовательских метода (ср. Ярцева 1970:82).

1.5.1 Влияние деятельности Р. Якобсона на диахронные морфологические исследования

Якобсон не только разработал теорию о пригодности достижений структурализма для диахронии, но и применял ее, преимущественно в славянской исторической фонологии (Jakobson 1929). Отчасти здесь, отчасти в своей работе с названием "Principes de phonologie historique" (1931) он подробно излагает основные

принципы структурной диахронной фонологии, которые впоследствии оказали плодотворное влияние и на историческую морфологию (ср. Барнет 1966; Журавлев 1976, 1977; Деянова 1976; Георгиев 1969, 1978).

Изучение взаимоотношения языковых подсистем и уровней, осознание их взаимовлияния привели к мнению, что к разработке и решению ряда проблем исторической морфологии *можно и надо* применять набор средств и методологию остальных языковых уровней, прежде всего фонологии (и синтаксиса).

Что касается тесной связи фонологии и морфологии, Якобсон констатирует следующее (1949:103-114):

- изучение любой грамматической системы необходимо приводит к проблеме фонологических средств данного языка, так как с помощью этих средств возможно выражение отдельных грамматических категорий (110);
- одно звуковое изменение недостаточно для грамматического изменения: одна фонологическая тенденция только в том случае ведет к изменению грамматических категорий, если в морфологической системе уже есть стремление к такому изменению (112);
- если такого стремления нет, то язык либо перегруппировывает данные суффиксы с целью спасти угрожаемую грамматическую оппозицию, либо данная форма просто противостоит звуковым законам (112);
- конфликты звуковых законов и аналогии представляют собой морфологически ограниченные фонологические изменения, следовательно, они не касаются всей звуковой системы, а только звуковой системы отдельных грамматических категорий (113);
- грамматические и фонологические структуры взаимно приспособляются друг к другу; относительная внутренняя автономия не исключает их постоянного взаимодействия и взаимозависимости (114);
- фонологические и морфологические структуры представляют собой два аспекта той же самой

неразрывной тотальности; между ними обнаруживается немало сходства (110).

Осознание и изучение тесной связи между фонологией и морфологией привело к интенсивному развитию *морфонологии*, в то время как *морфосинтаксис*, занимающийся взаимоотношениями грамматической системы, и особенно его диахронный аспект лишь недавно стал показывать свои первые значительные результаты (ср. напр. Деянова & Станишева 1976).

1.5.2 Исследования В. Барнета в области структурной диахронной морфологии

Исходя из новаторских наблюдений Р. Якобсона, проблемами применения структурной диахронии в морфологии впервые начал заниматься В. Барнет (1966). Чешский лингвист указывает на то, что структурная диахронная морфология строится на морфологических оппозициях, и ее основы заложил Якобсон в его методологически новаторской работе "Zur Struktur des russischen Verbums" (Jakobson 1932). В данной работе автор использует в морфологии конечные итоги структурной фонологии. Следовательно, два члена морфологической оппозиции не равноценны, поэтому корреляция между ними асимметрична. Один из членов является семантически маркированным, а другой — немаркированным. Значит, маркированный член выступает как носитель некоторого семантического признака, в то время как в немаркированном члене отсутствует данный признак. Из такой асимметрии по Якобсону вытекают две антиномии: а) антиномия маркированности 'А' и немаркированности 'А' (напр. *ослица* : *осел*), б) антиномия немаркированности 'А' и маркированности 'не-А' (напр. в слове *осел*, между общим и частичным значением). (Ср. Jakobson 1932:15; Барнет 1966:193-194.)

Барнет утверждает, что подобно фонологии, и историческая морфология успешно использует средства синхронного описания языка, но ими не ограничивается (194). Соответственно, диахронная морфология должна ответить на следующие вопросы: а)

возникновение асимметрических оппозиций, б) их прекращение, в) условия их развития (196). Опираясь отчасти на мнение Докулила, Барнет делает следующие замечания:

- категория морфологических оппозиций — историческая категория (196);
- предполагается, что асимметрические морфологические оппозиции возникли в результате семантического расщепления ранее единых форм (196);
- кроме асимметрических оппозиций могут существовать и другие, но о них, и об их отношении к асимметрическим оппозициям мы пока мало знаем (198);
- кроме двучленных есть и многочленные оппозиции; мнения насчет их разложимости на двучленные расходятся (198);
- диахроническое изображение многочленной системы отличается от синхронного, если предполагается, что маркированный член возникает из немаркированного, как напр. в категории числа, где схема исторически следующая:

Дв. ч. (+)

Ед. ч. (-)

Мн. ч. (+)

Синхронный анализ, однако, ведет к другой схеме (198-199):

Ед. ч. (+) : Мн. ч. (+)

Мн. ч. (-) : Дв. ч. (+)

После вышеупомянутых, местами проблематичных утверждений, Барнет рассматривает разные возможности развития морфологических оппозиций, в первую очередь на основе славянских действительных причастий (201-204):

$$(1) \quad A : A^x > A : \Theta > X^3$$

Эта формула символизирует процесс, в котором вместе с исчезновением маркированного члена исчезает и немаркированный член, что ведет к исчезновению оппозиции. Примером может послужить исчезновение действительных причастий прошедшего, а потом и настоящего времени в славянских народных говорах.

$$(2) \quad A : A^x > A : \Theta > A (< fA + fA^x)$$

После исчезновения маркированного члена его функцию принимает немаркированный член. (В македонском литературном языке преждевременность иногда выражается несовершенным деепричастием, а не деепричастием прошедшего времени.)

$$(3) \quad A : A^x > A : \Theta > A : B^y$$

Вследствие исчезновения маркированного члена, его место занимает новый член, который семантически приспосабливается, чтобы оппозиция сохранилась. (В современном болгарском языке, в котором нет деепричастия прошедшего времени, преждевременность может выражаться и причастием прошедшего времени на -л.)

$$(4) \quad A : A^x > A : \Theta > A : A^y$$

³ А, В — грамматические формы; x, y — показатели семантических признаков; fA, fA^x — функции грамматических форм; Θ — внутри оппозиции указывает на освобождение одного из мест; X — исчезновение оппозиции.

Маркированный член семантически так приспособляется, чтобы наличие морфологической оппозиции не вступило в конфликт с новым состоянием грамматической структуры языка.

Автор замечает, что возможности в приведенных примерах нельзя считать окончательными, так как в них могут проявляться переходные степени развития грамматической системы отдельных языков. Морфологические корреляции организуются не только синхронно, но и диахронно. Отношение между членами оппозиций является одним из движущих сил развития грамматической системы (204).

1.6 . . . Механизмы, причины и функции морфологических изменений

Описание преобразований и инноваций, касающихся грамматической системы долгое время ограничивалось констатацией явлений в отношении как общеславянского развития, так и отдельных славянских языков, без указания на соответствующие причины, движущие силы и функции. Младogramматическая традиция накопила богатый фактический материал в области звуковых законов, аналогических изменений и заимствований, но немало закономерностей и скрытых связей остались необнаруженными. И так, уже давно известно, что в развитии склонения существительных важную роль играли следующие явления:

1. В ходе регулярного фонетического развития часть морфем, в более или менее измененном виде, сохраняется. Напр. Nsg **sūnus* > *synь*.
2. "Старая" морфема заменяется "новой", на основе какого-л. семантического или формального сходства (или тождества). Напр. Gsg *syna* (вм. *synu*), где на месте ожидаемого окончания существительных на *-й*-выступает окончание существительных на *-ѣ*.

В то время как первый тип иллюстрирует действие звуковых законов, второй тип является типичным морфологическим проявлением влияния аналогии. Как мы раньше отметили, определить, какой из вышеуказанных факторов повлиял на возникновение той или другой славянской флексии, не всегда легко. Многие зависит от того, в какой мере принимаем существование специфических, характерных только для конца слова фонетических изменений.

Что касается морфологических тенденций второго типа, то здесь также возникают проблемы в связи с тем, откуда в самом деле происходят "заимствованные" окончания. Самые обыкновенные случаи следующие: а) перенесение окончания внутри определенной парадигмы; б) между твердым и мягким вариантом одной и той же

парадигмы; в) между различными парадигмами; г) между словами одного и того же рода, относящимися к разным частям речи. Кроме перечисленных случаев Ф.В. Мареш отмечает еще один: перенесение окончаний между разными "асpekтами" одного и того же "птосиса" (1963:50-60). В морфологической модели Мареша каждый падеж имеет категорию птосиса и категорию аспекта. Существует три птосиса и два аспекта: *ptosis recta* (N и A), *ptosis jungens* (L и G), *ptosis socians* (I и D); *aspectus staticus* (N, L и I), *aspectus dynamicus* (A, G и D). Отдельные падежи возникают путем пересечения птосисов и аспектов, напр. в точке пересечения *ptosis jungens* и *aspectus staticus* находится местный падеж и т. д. В качестве примера Мареш приводит окончание Apl -у, которое вытеснило окончание Npl -а (< *-ās) у существительных на -ā-, значит статический аспект заменилось динамическим аспектом того же птосиса. Как видно, данное явление представляет собой вариант перенесения флексии внутри одной парадигмы [см. пункт а)].

Согласно традиционному взгляду, перенесение флексий происходит, когда формальное совпадение вследствие фонетических изменений ранее отличавшихся друг от друга окончаний угрожало понятности, — осуществлению коммуникативной функции языка. В результате устранения гомофонии (синкретизма) падежей отличающиеся категории опять выражаются нетождественными флексиями.

Так как вышеуказанные объяснения, с одной стороны, не всегда применимы (ср. допустимые гомонимии, или мена окончаний в отсутствии гомонимии), а с другой стороны, лишь поверхностно описывают разные морфологические процессы, они оказались неудовлетворительными. Поэтому стало нужным открыть внутренние диахронные отношения внутри грамматической системы, для чего структурализм обеспечил новые, более надежные методы. Структуралисты считали, что язык — система знаков с конкретными функциями, в которой осуществляется единство статики и динамики (см. выше).

Прежде всего приходилось уяснить отношение звуковых законов и аналогии с точки зрения морфологических изменений.

Якобсон и другие указывали на то, что звуковые изменения происходят на уровне фонологии, и их функция связана с системой отличительных признаков, в то время как явления аналогии играют важную роль в регулировании грамматической структуры. На обоих уровнях выступают противостоящие языковые единицы, которые определяют данную систему как раз через свои оппозиции. Из этого вытекает то важное для диахронного языкознания заключение, что для понимания и описания изменений, а также для открытия обстоятельств их действия необходимо анализировать судьбу и развитие как фонологических, так и морфологических *оппозиций* (Jakobson 1936:70, 1958:181, 1932:15; Барнет 1966:204; Hamm 1962, 1966; Деянова и Станишева 1976:219; Журавлев 1976а:50-52, 1977 и т. д.).

Такое воззрение делает возможным толковать проявления аналогии, ранее часто считавшиеся слепыми, случайными изменениями, как процессы *с функцией*, в зависимости от того, способствуют ли они прекращению, сохранению или возникновению определенной оппозиции. В специальной литературе для данных тенденций употребляются термины *конвергенция* и *дивергенция* (Якобсон, Журавлев), и *морфологизация*, *деморфологизация* и *реморфологизация*⁴ (Деянова и Станишева).

Применение на практике изложенной выше теории долго не осуществлялось, так как работы, написанные в таком духе, обыкновенно рассматривали лишь отдельные явления. Поэтому в исследованиях славянских падежных окончаний до сих пор преобладают традиционные методы, причем практика отстает от возможностей теории.

Из сравнительно малочисленных конкретных образцов применения структурных методов обязательно следует выделить следующие (кроме ранее упомянутых):

Hamm, J. Iz prošlosti slavenske fleksije (1962)

Hamm, J. Entropy in Slavic Morphology (1966)

⁴ Ср. *фонологизация*, *дефонологизация* и *рефонологизация* у Якобсона.

- Георгиев, В.И. Фонематический и морфематический подход к объяснению флексии славянских языков (1968)
- Георгиев, В.И. Основни проблеми на славянската диахронна морфология (1969)
- Георгиев, В.И. Принципи на славянската диахронна морфология (1978)
- Журавлев, В.К. Введение в диахроническую морфологию (1976а, 1976b)
- Журавлев, В.К. Die Dynamik baltoslavischer morfologischer Oppositionen (1977)
- Деянова, М. – Станишева, Д. Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса (1976).

1.6.1 Концепция Й. Хамма

В вышеуказанной первой статье Хамм обрисовывает систему падежей в старославянском языке, на основе падежных синкретизмов. Он констатирует, что о последовательном синкретизме можно говорить только в двойственном числе, где винительный падеж всегда совпадает с именительным, местный с родительным, а творительный с дательным. В единственном и множественном числе, однако, отношение окончаний, т. е. количество и типы гомофоний, зависит от типов склонения. Рассматривая систему отношений склонения существительных, Хамм приходит к следующим заключениям: 1) N и Apl и Adu в женском и среднем роде выступают одинаково; 2) окончания женского рода совпадают с окончаниями среднего в тех падежах, которые во множественном числе выражают собирательную множественность; 3) поэтому нельзя ожидать, чтобы совпаденные флексии последовательно сохраняли рефлексии индоевропейских окончаний; во множественном числе преобладают окончания винительного падежа, а в двойственном числе — именительного; 4) в DIdu флексия I стала преобладать, а в GL выступает нейтральное -и; 5) еще для праславянского периода следует предположить определенную оппозицию между существительными мужского рода и остальными

существительными в связи с NApl и NAdu; эта оппозиция ведет к значительным синтаксическим и морфологическим преобразованиям в отдельных славянских языках; б) остальные синкретизмы далеко не так последовательны, чтобы их можно было считать структурными, категориальными явлениями. Что же касается синкретизм NAsg у существительных мужского рода, по мнению автора, это вероятно, лишь формальное совпадение, поскольку места ударения могли отличаться в двух формах. Кроме того, редукция исходных окончаний (*-os и *-om) произошла не одновременно. Значит, оппозиция, характерная для индоевропейских флексий, не прекращалась, а только постепенно изменила свой характер следующим образом:

	I	II	III	IV
Nsg	*-'o(s)	*-'ъ	'-ъ	'—
Asg	*-'ъ	*-'ъ	'-ъ	'-ъ > V > a

Несмотря на спорность приведенного представления с фонетической точки зрения, такой подход безусловно структурный, так как данная корреляция рассматривается им в движении, в историческом плане. Кроме отношения N-A Хамм занимается и синкретизмами AIpl, GLsg и DLsg в определенных парадигмах, но их считает вторичными явлениями, потому что они касаются лишь отдельных, менее значительных областей системы склонения. Внутренняя структура системы падежей славянских существительных в ед. ч. автором реконструируется таким образом:

N : > A
 G
 L : > D
 I

(Стрелка указывает на то, что в интересах оппозиции падеж на правой стороне изменил свой суффикс.)

Из схемы видно, что G и I непосредственно не оппонируют ни одному падежу.⁵ Именно этим объясняется, пишет Хамм, что одушевленные существительные при переходных глаголах получают окончание *-a* в Asg. Флексия G подчеркивает Asg в отношении Nsg, в интересах оппозиции. Это однако не значит, что Asg идентичен Gsg, или происходит из него. Отношение между ними косвенное, подобно связи Isg и Dpl (Об этом автор подробнее пишет во второй статье.)

Хамм перечисляет фонетические средства, нужные для возникновения и выражения морфологических оппозиций:

- краткие гласные окончаний удлиняются, или же долгие сокращаются;
- в окончании с передним гласным или передним дифтонгом вместо переднего элемента выступает непередний;
- в исключительных случаях появляется новый согласный (в славянском и литовском это обычно *-m*).

С помощью указанных средств возникают морфологические инновации, которые как маркированные формы оппонируют традиционным, немаркированным формам.

В другой указанной работе Хамм продолжает свои наблюдения в области диахронной морфологии, причем вводит понятие *энтропии*. Он употребляет этот термин для обозначения перехода фонетических признаков в различительные морфологические единицы. Приводится три фонетических признака: а) изменение количества, б) прибавление *i* или *u*, в) прибавление согласного (ср. вышесказанное в первой статье).

В качестве примера Хамм приводит введение согласного *-m* в индоевропейскую систему склонения, где он стал различительным признаком для Asg. Значит, в морфологическую систему входит звук без исходного морфологического значения. Кроме Asg, однако, та же самая фонема постепенно появляется в окончаниях

⁵ Спорное мнение, ср. Jakobson 1958.

Gpl, Dpl, DIdu, и даже в местоименном склонении. Таким образом возникает "энтропичная цепь" (entropic string), где в ходе последующих за Asg — энтропически избыточных — применений, введение -m- сопровождается другими модификациями (напр. в Gpl гласный звук перед -m- утрачивает долготу). Автор старается доказать право на существование понятия "энтропия" на примере некоторых проблематичных флексий славянского склонения.

1.6.2 Основополагающие работы В.И. Георгиева и В.К. Журавлева

Среди работ, возникших на почве структурной лингвистики, и посвященных вопросам истории склонения существительных, выдающееся место занимает монография В.И. Георгиева (1969), главные идеи которой автор изложил ранее (1968).

Книга состоит из двух частей: в первой части автор занимается отдельными теоретическими проблемами диахронной морфологии, и излагает отчасти уже выше указанные методологические взгляды Георгиева. Во второй части рассматриваются конкретные окончания по надлежащим морфологическим категориям. Что касается идей автора в связи с происхождением отдельных флексий, о них мы будем говорить подробнее во второй главе.

Одно из лучших резюме основных концепций болгарского языковеда принадлежит И.Х. Тоту⁶, его выводы не будем здесь повторять.

Принимаем мы взгляды Георгиева, или нет, — его монография *Основни проблеми на славянската диахронна морфология* безусловно является вехой в развитии исторической морфологии. Своей книгой автор действительно открывает новую главу в методологии современной лингвистики (Журавлев 1976а:49). Тщательная теоретическая подготовка, ясность и структурное

⁶ Н. Тóth I. *A szlavisztika újabb eredményei*, Szegedi Bölcsész-műhely '82. Szerk. Róna-Tas András. Szeged, 1983.

мышление — вот главные ценности работы Георгиева, которой он сделал значительный шаг вперед по пути к теоретической и практической разработке современной диахронной морфологии.

В то время как Георгиев ищет в первую очередь специфичных морфологических ("морфематических") и "морфонологических" закономерностей для объяснения морфологических изменений, В.К. Журавлев старается показать, что принципы и методы, введенные в исторической фонологии и принятые в исторической морфологии — взаимосвязаны (1976а, 1976б, 1977). В отличие от Георгиева он пытается использовать в славистике, вместо совсем новых, давно принятые структурные, функциональные средства.

В 1976 г. выходит в свет в двух частях статья Журавлева *Введение в диахроническую морфологию*. В ней ощущается сильное влияние пражской школы, так как автор старается переложить основные принципы диахронной фонологии, разработанные Р. Якобсоном, на грамматическую систему. Критический обзор взглядов Журавлева можно найти в вышеуказанной статье И.Х. Тота, здесь нет места их подробно рассматривать, тем более, что русский языковед не занимается конкретными флексиями, его интересует скорее теория диахронной морфологии.

1.6.3 Синтаксический подход к вопросам диахронной морфологии

Структурная трактовка проблем диахронной морфологии характеризует и книгу М. Деяновой и Д. Станишевой (*Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса*, София, 1976), которая однако — в отличие от вышеуказанных, более общих работ — занимается только теми вопросами исторической морфологии, которые тесно связаны с уровнем синтаксиса.

Авторы указывают на то, что при изучении проблем диахронной морфологии слависты не уделяли должного внимания соотношению морфологии и синтаксиса. Даже если они касались данной проблематики (как напр. В.И. Георгиев), они не разрабатывали методики, необходимой для конкретного анализа. По мнению

Деяновой и Станишевой, к решению этой задачи следует подходить в рамках структурной диахронии (11). На такой теоретической почве они стремятся обнаружить стимулы, вызывающие изменения морфологических структур, относящихся к явлениям синтаксиса. Для этого необходимо изучать закономерности а) отношений языковых элементов внутри структуры, и б) возникновения новых структур.

Авторы подчеркивают две проблемы, которые одинаково важны для изучения как морфологического, так и синтаксического уровней:

1. синтагматическое и парадигматическое взаимодействие языковых элементов,
2. закономерности возникновения, существования и прекращения оппозиций.⁷

На основе анализа конкретных оппозиций в книге различается три типа морфологических изменений, связанные с синтаксическими явлениями. В первый тип входят процессы дифференциации. Ими можно объяснить например возникновение и функционирование вариантных окончаний род. п. ед. ч. *-а/-у*, и местн. п. ед. ч. *-е/-у* в русском языке. Второй тип содержит явления т. н. *морфологизации*, как например формирование аналитических форм в степенях сравнения прилагательных. В третий тип входят такие случаи, в которых морфологические изменения мотивированы синтагматическими условиями функционирования языковых элементов. Примером может послужить, между прочим, происшедший в части славянских языков переход оппозиции *собирательность/единичность* в оппозицию *множественность/единственность* (ср. р. *братья*).

В связи с синтагматическими и парадигматическими отношениями синтаксических и морфологических единиц Деянова и Станишева констатируют, что несмотря на их бесспорное

⁷ Журавлев пришел к подобному результату при раскрытии связей между фонологическим и морфологическим уровнями.

значение, синтагматические отношения создают лишь условия изменений, а в реализации этих изменений главная роль принадлежит парадигматическим отношениям (прежде всего в оформлении оппозиционных отношений).

Авторы отмечают, что причины всех изменений, рассмотренных ими, следует искать в изменении оппозиционных отношений. Оппозиция, характерная как для уровня морфологии, так и для уровня синтаксиса, таким образом является исторической категорией. Существует три типа изменений, происходящих в оппозиционных отношениях: *морфологизация* (возникает новая морфологическая оппозиция), *деморфологизация* (морфологическая оппозиция прекращается) и *реморфологизация* (морфологическая оппозиция переходит в другой тип оппозиции). (Эта классификация только терминологически отличается от классификации Журавлева.)

Деянова и Станишева придерживаются мнения, что их исследование подтверждает правильность теоретического вывода, согласно которому происшедшие изменения лингвистически можно истолковывать лишь на основе изменений, происходящих в синхронных структурах (226).

Хотя в своей книге болгарские специалисты занимаются только одним определенным кругом явлений, и касаются в первую очередь истории отдельных славянских языков, они в значительной мере способствовали развитию диахронной морфологии славянских языков. Тем, что при изучении взаимодействия морфологии и синтаксиса Деянова и Станишева приходят к подобным (часто тождественным) выводам, что В.К. Журавлев при анализе фонологического и морфологического уровней, они дают еще одно доказательство всеобщей годности структурных методов, и их успешной применимости.

1.6.4 Некоторые другие работы, посвященные причинам, функциям и механизму славянских морфологических изменений

Изучая закономерности аналогических изменений с помощью средств, взятых из кибернетики, на основе конкретных исчислений Н.Д. Русинов (1981) указывает на взаимоотношение, которое предчувствовал еще Г. Пауль (1960:131), в связи с ролью в аналогических изменениях частотности отдельных языковых элементов и количества их пропорций. Используя понятие избыточности, Русинов точными методами доказывает следующие взаимоотношения:

"а) Изменения языковых элементов по аналогии возникают или не возникают в зависимости от размеров их избыточности в совокупности всех средств, имеющих общую функцию.

б) Изменениям по аналогии в этой совокупности подвергаются те из языковых элементов, которые имеют отрицательную избыточность, так как начинают испытывать воздействие языковых элементов с положительной избыточностью и уподобляются им по всем или по некоторым признакам" (59).

З. Штибер (Stieber 1979:97) кроме давно известных факторов (взаимодействие между типами склонения, уравнение по аналогии, взаимовлияние отдельных диалектов) в своей книге отмечает влияние "мировоззрения" людей, пользующихся языком, на морфологическую систему данного языка, причем предостерегает от неосторожного применения этого пояснительного принципа. В качестве примера он приводит противопоставление существительных мужского рода, обозначающих лиц, с существительными женского и среднего рода, и с существительными мужского рода, не обозначающих лиц в польском языке.⁸

Рассматривая судьбу флективных морфем, участвующих в изменениях по аналогии, некоторые исследователи придерживаются

⁸ Сепир, Уорф, Ельмслев и др. указывают на то, что каждый язык по-другому располагает единицы плана содержания. Такое расположение должно отражаться и планом выражения. Это подтверждает право на существование предположения Штибера.

мнения, по которому языковая система предпочитает те окончания, которые на основе своего фонетического облика более подходят для выполнения своих функций (фонологически более отличительные, т. н. *экспрессивные флексии*, ср. Hoenigswald [ссылаясь на Куриловича] 1963:49; Hamilton 1974:127; H. Tóth 1991:93).

В своей работе З. Голомб анализирует консервативные и инновативные тенденции, действующие в славянских языках (Gołąb 1978). Он обращает внимание на то, что возможны изменения двух видов: а) изменения, затрагивающие лексическую субстанцию языка, и б) изменения, затрагивающие грамматическую форму. В то время как первый тип влияет на генетическую сущность языка, другой вызывает типологические изменения. Из двух важнее последнее, так как оно касается когнитивной, интеллектуальной стороны языка. К исторической типологии славянских языков следует вскрыть варианты и инварианты грамматических изменений, правильная оценка которых может пролить свет на факторы, определяющие направление изменений. По американскому лингвисту в исторической морфологии славянских языков, наверное, таким фактором является категория рода, с одной стороны, и оппозиция именительного и винительного падежей, с другой.

Отметим, наконец, статью У.С. Хемилтона (1974), в которой автор рассматривает на почве генеративной лингвистики *глубинные* и *поверхностные* изменения, происшедшие в структуре славянских языков. Он пытается изложить такую модель, с помощью которой представляется возможным порождение форм, относящихся к поверхностной структуре современных славянских языков, исходя из глубинной структуры праславянского склонения. Для этого автор использует деklinационные системы современного чешского, польского, русского и сербско(-хорватско)го литературных языков. На основе данных четырех языков Хемилтон приходит к такому выводу, что хотя в современных славянских языках значительно изменились конфигурации и субстанция отдельных структурных компонентов, почти совершенно сохранились типы и количество компонентов, унаследованных из праславянской системы единственного и множественного числа. В своей работе американский

лингвист классифицирует отдельные глубинные и поверхностные изменения, причем останавливается на их возможных функциях, и некоторых моментах их функционирования (62-73):

2 Происхождение падежных окончаний существительных

В следующем небольшом обзоре будут рассмотрены лишь некоторые, особенно проблематичные флексии славянских существительных. Они представляют собой примеры, иллюстрации наиболее характерных и распространенных теорий в области славянской диахронной морфологии. В рамках данной работы невозможно заниматься всеми парадигмами склонения и спряжения, но автору кажется, что избранный материал все-таки поможет увидеть и понять, какие основные проблемы характеризуют данную область исторической славистики.

В ходе анализа мы будем пользоваться следующими сокращениями:

N	— именительный падеж	sg	— единственное число
A	— винительный падеж	pl	— множественное ч.
G	— родительный падеж	du	— двойственное ч.
D	— дательный падеж	m	— мужской род
I	— творительный падеж	f	— женский род
L	— местный падеж	n	— средний род
V	— звательная форма		

2.1 Флексии существительных с основой на -ѡ-

2.1.1 Nsg m: -ѡ

Реконструированное индоевропейское окончание данного падежа — **-os* (Семереньи 1980:199). О том, как возникло праславянское -ѡ, существует практически два мнения. Согласно первому, здесь мы имеем дело с правильным фонетическим развитием, в результате которого конечный *-o-* изменяет свою артикуляцию, под влиянием *-s* становится более закрытым, и совпадает с редуцированным гласным заднего ряда:

**-os > *-us > -ѡ.*

Представители данного взгляда, следовательно, предполагают специфичное, характерное для конца слова фонетическое изменение: *Мейе* (1951:325), *Вайан* (вместе с фонетическим объяснением он считает возможным и морфологическое, согласно которому окончание Nsg *-ъ происходит из основы на -й-, ср. Vaillant 1958:29; 1950:210), *Кузнецов* (1961a:63), *Бройер* (он тоже признает возможность заимствования по аналогии: Bräuer 1961:103; 1969:21), *Хамм* (Hamm 1962:161-162), *Феррелл* (Ferrell 1965:93-102), *Гъльбов* (Gălăbov 1973:5-9), *Велчева* (1980:324). Такой подход не нов, ведь его можно найти уже у Фортунатова (*Лекции по фонетике старославянского [церковнославянского] языка*, Избранные труды. Москва, 1957, II, 93 и сл.), но его все-таки нельзя считать доказанным. Аргументы за фонетическое объяснение следующие: 1) нет оснований для влияния по аналогии, вследствие которого следовало бы устранить синкретизм N=A (ср. Мейе и Гъльбов выше); 2) предполагается, что существительные среднего рода с основой на -s- первоначально оканчивались на -ъ, ср. старославянское и древнерусское *днѣъ*, польское *ciud* и пр. (Gălăbov 8:9); 3) если принимается, что флексия Dpl была *-mōs (> -mъ), незачем предполагать другое развитие в Nsg (Ferrell); 4) можно провести параллель между фонетическими изменениями *-ōs > -ъ и *-ōs (ue. -ās) > -у (Gsg, NApl, основа на -ā- (Ferrell)).

Согласно второй теории окончание *-ōs фонетическим путем перешло в *-о, значит флексия -ъ является результатом аналогии, конкретнее, заимствованием из основы на -й-, ср. *Горалек* (Horálek 1967:157), *Мареш* (Mareš 1963:65), *Арумаа* (Arumaa 1964:113-114), *Кошмидер* (Koschmieder 1956:235), *Людтке* (Lüdtke 1966:134), *Георгиев* (1969:53-54), *Шелезникер* (Schelesniker 1964:52-55), *Айцетмюллер* (Aitzetmüller 1978:76; предполагает и влияние Asg основы на -ō-), *Рудницкий* (1966:655-658; 1982:360-365), *Шевелов* (Shevelov 1964:156), *Штибер* (Stieber 1979:96). Аргументация сторонников второй теории следующая: 1) если фонетическое изменение было бы *-ōs > -ъ, естественно было бы ожидать редукцию *-es > -ь, как в латинском, однако такого примера нет в славянском; 2) изменение *-ōs > -о поддерживается глагольным

окончанием 1 л. мн. ч. *-to* в некоторых славянских языках (Арумаа); 3) древнепольские топонимы *Boglo, Falo, Niego, Sędo, Wroto, Żyro*, и среднеукраинские *Сусло, Козло, Безпосло* и др., как и старославянские словосочетания типа *редо сь, глаголо сь, позоро сь* также подтверждают вышесказанное (Рудницкий); 4) окончание Nsg существительных среднего рода с основой на *-s-* — *-o:* чтобы избежать синкретизма, существительные мужского рода заимствовали окончание *-ъ* у основы на *-й-*.

К сожалению, ни одного из положений нельзя доказать бесспорно, поскольку в связи с приведенными аргументами возникают следующие проблемы:

- а) *по поводу фонетического объяснения:* 1) устранение синкретизма N=A не обязательно, он может оставаться хотя бы временно и при существительных, обозначающих лиц, ср. в основах на *-й-* и на *-ї-*; 2) нет достаточного доказательства того, что исходное окончание существительных среднего рода было *-ъ*, так как в цитированных примерах возможно и сосуществование параллельных вариантов флексии: колебания в грамматическом роде нередки в славянских языках; 3) окончание Dpl могло быть и **-tus* в балто-славянском языке (см. ниже); 4) изменение **-ōs/-ās > -u* не менее спорно, чем то, о котором идет речь.
- б) *по поводу морфологического объяснения:* 1) гласные переднего ряда более устойчивы против редукции в конце слова, чем гласные заднего ряда, поэтому нет изменения **-es > -ь*; 2) глагольное окончание 1 л. мн. ч. *-to* по всей вероятности является вторичным, подобно окончаниям *-te, tu*; 3) топонимы, перечисленные Рудницким, относятся к определенной территории, поэтому их нельзя считать общими; кроме того, они упоминаются в поздних памятниках (XII–XVII вв), поэтому предполагать их праславянское

происхождение неосновательно; 4) словосочетания типа *редо съ* можно объяснить просто вокализацией редуцированного в сильном положении; 5) окончание *-o* существительных среднего рода может быть результатом уравнивания по аналогии (прежде всего под влиянием местоимений типа **tod > to*, ср. 2.1.2).

Американский лингвист *Фейнберг* предлагает новое решение вопроса (Feinberg 1978:112-113). Он тоже предполагает изменение **-ōs > *-ūs > -ь*, однако не считает его результатом автоматического фонетического развития. В то время как большинство исследователей принимает изменение *o > u* как автоматическое (фонетически обоснованное) перед носовым согласным в конце слова (Asg, Apl, Gpl), перед *-s* гласный *o* — по Фейнбергу — сохраняет свою звуковую окраску. Так как с падением конечных согласных возникли бы недопустимые омонимии, чередование *o ~ u* перестало быть автоматическим, и перешло и на Nsg. Таким образом, первоначально регулярная фонетическая тенденция приобрела морфологическую функцию. Фейнберг подчеркивает, что здесь речь идет не об аналогии между основами на *-ō-* и на *-ū-*, совпадение по форме является лишь сопутствующим явлением процесса. Поскольку славянское склонение строится на тематическом принципе, гласный *u* был основной формой тематического гласного в основе на **-ū-*, которая иногда чередовалась с *ou*, а тот же самый *u* в основе на **-o-* выступал как вторичный гласный, по сравнению с определяющим *o*. Совпадение отдельных падежных флексий стало структурным признаком лишь *после* перемещения стыков морфем, причем взаимодействие между существительными разных основ вплоть до этого было немислимо (114).

2.1.2 NAsg n: -o

Предполагаемое индоевропейское окончание было **-ōm* (ср. Семереньи 1980:199), которое, согласно подавляющему большинству объяснений, претерпело специфичное фонетическое развитие в конце слова, и дало -ѵ. Так как данное окончание совпадало с окончанием NAsg у существительных мужского рода, в интересах сохранения различия между грамматическими родами, флексия **o* из именного склонения (посредством системы прилагательных) вытеснила результат фонетического развития (ср. *Meiße* 1951:325; *Vaillant* 1958:15; *Кузнецов* 1961a:63-64; *Bräuer* 1969:63; *Schelesniker* 1964:55-56; *Shevelov* 1964:956; *Arumaa* 1964:115; *Ferrell* 1965:103, 107; *Koschmieder* 1956; *Aitzetmüller* 1978:85; *Велчева* 1980:324; *Holzer* 1980:10; *Prinz* 1977:265; *Gălăbov* 1973:8-9). В отличие от флексии Nsg m **-ōs*, где — как мы видели — спорно специфическое развитие гласного *o*, здесь оно обосновано влиянием конечного носового согласного (как в некоторых других индоевропейских языках): **-ōN* > -ѵ⁹.

Именно поэтому, некоторые слависты предполагают, что окончание NAsg n -o происходит не из **-ōm*, а из индоевропейского **-ō*, т. е. из темы без окончаний. По следам Гуйера, Агрелла и Шобера, такого мнения придерживаются в последнее время *Мареш* (*Mareš* 1963:55), *Добрев* (1982:204) и *Шмалстиг* (*Schmalstieg* 1983:71-72). По Добреву окончание NAsg n -o представляет собой рефлекс "абсолютного" падежа (чистой основы), подобно положению у основ на *-es-* и *-men-*: ср. старославянское слово < **kleu-ōs* и брѣма < **bher-men*, где также выступает чистая основа.

Данное предположение, кажется, подтверждается тем, что в литовском языке, в котором, правда, нет существительных среднего рода, одним из возможных окончаний несклоняемых прилагательных общего (среднего) рода является *-a*: *gēra* 'хорошее'. Кроме того — как указывает Шмалстиг — и в хеттском языке существовала

⁹ Символ *N* обозначает любой носовой согласный (= *m, n*).

форма прилагательного без флексии в Nsg п, напр. *marša* 'плохое', *tannatta* 'пустое'. Шмалstieg, с другой стороны, не исключает, что исходное окончание могло быть $*-\delta N$. В таком случае возможно, что *-o* является вариантом по сандхи флексии $*-\delta N$. В то время как перед словом, начинающимся с согласного, происходит изменение $*-\delta N > -\delta$, перед гласным $*-\delta N$ переходит в *-o*. Последний вариант потом становится общим, отчасти под влиянием форм типа *slovo* (ср. Schmalstieg 1965:239-240).

Кроме упомянутых, есть и третья теория, согласно которой конечное звуко сочетание *-om* во всех случаях изменяется в *-o*, подвергаясь фонетической закономерности открытого слога, ср. Горалек (Horálek) 1967:154; Георгиев 1969:37-40, 53. Кажется, из приведенных объяснений именно это последнее является наиболее уязвимым, так как ни Горалек, ни Георгиев не могут его убедительно подкрепить примерами, взятыми из других областей морфологической системы, которые свидетельствовали бы о подобном развитии $*-\delta N > -o$. С другой стороны, изменение $*-\delta N > -\delta$ подтверждается параллельным развитием в следующих категориях:¹⁰ Gpl $-\delta < *-\delta N$, Apl m, f (основы на $*-\delta-$ и на $-\bar{a}-$, местоименное склонение) $-y > *-\delta Ns$, Nsg m, n (действительное причастие настоящего времени) $-y < *-\delta N(t)s$, 1-ое лицо ед. ч. асигматического аориста $-\delta < *-\delta m$ (ср. Feinberg 1978:108-109). Самым убедительным аргументом кажется последний, так как только Георгиев считает окончание $-\delta$ заимствованным по аналогии из сигматического аориста, где по его мнению выступала флексия $*-m$. Такая аналогия, однако, ничем не обоснована, тем более, что между парадигмами аориста уравнение происходит как раз в обратном направлении: сигматические формы изменяются под влиянием асигматических, ср. стсл. 1-ое л. дв. ч. **вѣсѡвѣ**, 1-ое л. мн. ч. **вѣсѡмѣ**, параллельно с формами 1-ое л. дв. ч. **идѡвѣ**, 1-ое л. мн. ч. **идѡмѣ**. Кстати, индоевропейское $*-m$ после $-s-$ не всегда переходит в $*-um$

¹⁰ Кроме Asg m, где также общепринято предположение фонетического изменения $*-\delta N > -\delta$, см. ниже.

> -ъ, и его нельзя считать типичным (ср. Andersen 1971:952; Gălăbov 1973:8).

2.1.3 Aсg m: -ъ

Так как реконструированное индоевропейское окончание — *-ōm (ср. Семереньи 1980:199), то есть оно совпадает с выше рассмотренным окончанием NAsg n (если оставить без внимания мнения, согласно которым здесь не было конечного -m), теории, касающиеся этих флексий тесно взаимосвязаны. Поэтому не будем еще раз перечислять сторонников фонетического объяснения, но дополнительно отметим еще следующих: Кошмидер (Koschmieder 1956:235-244); Мареш (Mareš 1963:53, 65); Хамм (Hamm 1962:161); Фейнберг (Feinberg 1978:109); Добрев (1982:30-31); Шмалстиг (Schmalstieg 1967:47-48, 1983:46-47, 73, 1983a 270-271).

Интересно и оригинально представление Шмалстига о том, что в праславянском языке у основ как на *-ō-, так и на *-ā-, окончание Aсg было *-aN, как в балтославянском. В славянском данное окончание в конце слова стало более закрытым и перешло в *-uN. С падением носовых появляется два варианта по сандхи данной флексии: перед словом с начальным гласным — *-uN > *-u, а перед словом с начальным согласным — *-uN > -ϕ. Сначала распределение двух окончаний в обоих типах склонения было автоматически (определялось фонетическим окружением), а позже два варианта прикрепились к разным морфологическим категориям: Aсg, основы на *-ō- — *-u > -ъ, Aсg, основы на *-ā- — -ϕ. Возможность такого изменения по Шмалстигу подтверждается параллельным фонологическим развитием морфемы *sun: если последующая морфема начиналась с гласного, встречается вариант съn- (ср. стсл. сънмъ), а перед согласным выступает вариант sϕ-, и наконец существует и вариант съ в качестве предлога.

Лишь В.И. Георгиев приписывает окончание -ъ влиянию со стороны основы на *-ŷ-, так как по его мнению фонетическим рефлексом звукосочетания *-ōm в славянском всегда является -o, в

то время как *Asg* у основ на **-ǫ-* — результат фонетического развития **-ǫm > -ь*. Заимствованием последнего избегалась недопустимая омонимия *Asg n = A sg n* — считает Георгиев. Если, однако, флексия **-om* перешла не в *-o*, а в *-ь* (ср. 2.1.2), то здесь незачем предполагать морфологическое изменение.

2.1.4 Gsg: -a

Славянское окончание фонетически нельзя вывести из индоевропейского, которое было **-es(y)o/*-os(y)o* (ср. Семереньи 1980:199), поэтому, согласно наиболее распространенному мнению, флексия *-a* является рефлексом индоевропейского аблатива. Такой подход принимают между прочим *Meïe* (Meillet 1951:311), *Vaillant* (Vaillant 1958:30), *Bräuer* (Bräuer 1969:21-22), *Mareš* (Mareš 1963:65), *Георгиев* (1969:54), *Шмидт* (Schmidt 1977), *Шмалстиг* (Schmalstieg 1983:72-73) и др.

Независимо от того, примем ли за исходную форму аблатива **-ōd/*-ōt*, или **-ād/*-āt*, результатом славянского фонетического развития будет обязательно *-a*. Литовское окончание *-o*, однако, свидетельствует о последней флексии. Если принимаем ее за общее балтославянское окончание, то трудно объяснить гласный *-a-*, так как индоевропейское окончание было **-ōd* (ср. Семереньи 1980:195). Поэтому вышеупомянутый взгляд критикуется, между прочим, и *Кузнецовым* (1961a:37-38). Он считает (принимая мнение Каппуса), что флексия славянского Gsg *-a* — не индоевропейского происхождения. Она представляет собой балтославянскую инновацию, которую можно возвести к служебному слову, подобно образованию форм местного падежа. Здесь выступает тот же самый грамматический элемент в функции послелога, который встречается и как предлог или приставка, ср. литовское и латышское *at*, и стсл. *отъ*. Подобного мнения придерживается и *И. Добрев* (1982:152-154), который считает, что старославянская флексия *-a*, также как предлоги *отъ* и *до*, происходят из общего корня латива (**ad-* : **d-*).

Р. Айцетмюллер возводит окончание Gsg *-a* к двум источникам, так как — по его мнению — данная флексия выполняет не только функцию аблатива и родительного падежа, но и функцию местного падежа (1978:76-78). В выражениях типа *сү бога, до бога* Айцетмюллер видит старое окончание местного падежа, которое впоследствии совпало с аблативом. В старославянском языке функцию Lsg у существительных с основой на **-ō-* выполняло,

наверно, окончание $*-\bar{o}$, которое в свою очередь являлось степенью удлинения тематического гласного (подобно основам на $*-\bar{i}$ - и на $*-\bar{i}-$). Такое предположение подтверждается, кажется, и старославянскими наречиями *дома, вчѣра, на тѣла* (77).

Вышеуказанная концепция была впервые сформулирована Г. Шелезникером (Schelesniker, H. Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen. Graz-Köln, 1964). Он исходит из того, что в славянских языках генитив выполнял три функции: аблатива (отложительного), местного и родительного падежей. Самым молодым падежом из них является родительный, что подкрепляется не только тем, что нет славянского рефлекса исходной индоевропейской флексии, но и тем фактом, что в ранних славянских переводах словосочетания с родительным падежом передаются преимущественно притяжательными прилагательными (ср. *сѣнь божьн* вместо *сѣнь бога*).¹¹

Флексия $*-a$ происходит из первоначально различавшихся, а потом — по фонетическим причинам — совпавших окончаний отложительного и местного падежей, постепенно она стала выполнять и функцию родительного падежа (Schelesniker 1964:11-18). Предположение окончания Lsg $*-\bar{o}$ подтверждают кроме вышеуказанных примеров и такие выражения, как напр. стсл. *стопаше оу гроба, видѣхъ оу отца, вѣрсуте въ свѣта, оупъван на бога, испросите оу бога, донде села* и т.д. (14-15).

Совершенно порывает с прежними взглядами В.Н. Топоров (1975:293-295), который исходит из типологического разнообразия индоевропейского окончания генитива, и предполагает, что славянская флексия Gsg $*-a$ является продолжением праславянского $*-\bar{o}s$. Элемент $-s$ выступает в отдельных окончаниях всех типов склонения, поэтому обосновано его постулировать и в основе на $*-\bar{o}-$, а степень удлинения тематического гласного ($-\bar{o}-$) избегает синкретизма с Nsg $*-\bar{o}s-$, ср. старопрусские формы *deiwas* < $*deiwās$ (Gsg) и *deiws* < $*deiwas$ (Nsg). Преимущество предложенного

¹¹ Ср. Кузнецов 1963:42-43 и Aitzetmüller 1978:77.

решения Топоров видит в том, что оно объясняет флексии Gsg в разных типах склонения с помощью общего принципа, причем предположение о заимствовании внешних окончаний аблатива件 не нужно (ср. объяснения Топоровым флексий Gpl, и Gsg у основ на *-ā-).

2.1.5 Dsg: -u

Реконструированным индоевропейским окончанием, которое принимается единодушно, является *-ōi (ср. Семереньи 1980:199). На первый взгляд трудно здесь представить фонетическое объяснение, тем более, что дифтонг *-ōi в Lsg дает -ě. Несмотря на это, существует несколько теорий, считающих славянскую флексию результатом специфичного звукового развития, а не заимствованием по аналогии.

А. Мейе исключает аналогию потому, что у основ на *-й- окончание Dsg — -ovi, а не -u, и более убедительным считает следующее фонетическое изменение: *-ōi > *-ōu > -u. Правда, данная фонетическая тенденция изолирована, ее нельзя доказать, однако может подтверждаться развитием флексии Ipl в конце слова: *-ōis > -y, и, может быть, Gsg у основ на *-ā-: *-ās > -y (Мейе 1951:326-327).

Практически такого же мнения придерживается и И. Дуриданов (1968:22-23), который считает, что элемент *i* дифтонга *-ōi першел веляризацию и лабиализацию, наверно под влиянием предыдущего гласного элемента *ō*.

Менее вероятна концепция Вайана, согласно которой славянское окончание происходит из балтославянского трифтонга *-uoī. Ни существование трифтонга, ни предложенное Вайаном фонетическое развитие нельзя доказать (ср. Vaillant 1950:213).

Так как перечисленные фонетические объяснения довольно проблематичны, не удивительно, что большинство исследователей ищет морфологического или морфонологического решения данного вопроса.

Морфонологическое решение находим у Й. Хамма (Hamm 1962:166, 1966:46), он предположил, что для сохранения оппозиции L:D, передний элемент дифтонга $*-oi$ был заменен задним:

Lsg $*-oi$: > D $*-ou$

Такая замена является одной из форм манифестации энтропии, введенного Хаммом понятия (см. выше).

Шмалстиг подвергает сомнению общепринятое мнение о том, что окончанием Dsg было $*-ōi$ (Schmalstieg 1974:194-197). Он считает, что в данном падеже флексия возникла в результате контаминации: она происходит из смешения исходного Dsg $*-ō$ и Lsg $*-oi$. Окончание $*-ō$, в свою очередь, является вариантом по сандхи индоевропейского $*-om$, которое можно найти в латинском и готском языках (Dsg *lupō, daga*). В славянском выступает рефлекс $*-om$, который в конце слова переходит в $*-u$ (ср. 1-ое лицо ед. ч. в старославянском: *ндѣ* и т. д.), а потом спорадически теряет носовую артикуляцию и дает $-u$. Такое спорадическое развитие — по Шмалстигу — подтверждается следующими параллельными старославянскими формами: *гноусьнѣ / гнѣсьнѣ, мѣудити / мѣдити, нѣудити / нѣдити* и т. д. Американский лингвист предполагает, что в литовском местоимении *tamū* (Dsg) тоже проявляется рефлекс флексии $*-om$: $*tom-om > *tom-ō > *tam-uo > *tam-u + i$ ($-i$ наверно из других основ). Фонетические изменения в славянском были иные: $*tom-om > *tom-u > tom-u$. Шмалстиг приводит еще латышское словосочетание типа *tam cilvēkam* (этому человеку) для иллюстрации того взгляда, что флексия Dsg действительно была $*-om$. Следовательно, славянская флексия $*-u$ первоначально выступала как местоименное окончание, которое потом постепенно перешла и в систему прилагательных и существительных (1971:145). Ниже увидим, что автор исходит из этого же суффикса в связи с морфемами Dpl (и Ddu); (ср. Schmalstieg 1974:196).

Мареш предполагает влияние основ на $*-iu$, путем "прогрессивной диссимиляции" и метатезы: $*-iuei > *-uei > *-ieu > *-ü$ (1963:54). Если вообще принимаем существование праславянской

основы на **-iu*, из-за фонетических изменений, предполагаемых Марешом *ad hoc*, такое объяснение остается маловероятным, как на это указывали исследователи (ср. напр. Георгиев 1969:55).

Славянское окончание Dsg **-и* иногда возводят к флексии основ на **-и* Lsg *-и* (< **-ou*), ср. Г. Шелезникер (Schelesniker 1964:20), В.И. Георгиев (1969:40-42, 54-56) и Р. Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:78-80). По Шелезникеру окончание *-и* первоначально употреблялось параллельно как в Lsg основ на **-ǫ*, так и в Dsg, рядом с исходным окончанием Dsg *-ě* (которое принимало и функцию Lsg после того, как окончание *-а* стало выполнять функцию родительного падежа), потом *-ě*, под влиянием основы на **-ā*, укоренилось в функции местного падежа, в то время как *-и* — в функции дательного. Исходное локативное значение флексии *-и* сохранилось в старославянских наречиях *тоу* и *оу-де*.¹²

Функциональное изменение $L \rightarrow D$, по Айцетмюллеру, синтаксически хорошо объясняемо. У местного падежа первоначально было две функции: он указывал на место действия, но мог указывать и на его направление, ср. стсл. *паде къ трънии*, *падъ къ земаи* и т. д. Для обозначения направления, кроме локатива, использовали и т. н. *винительный падеж цели*, который функционально совпадал с *местным падежом цели*. Оба падежа включали в себя и достижение цели действия, в то время как третий падеж направления, датив, указывал лишь на его направление, ср. *иде къ княгоу*. Айцетмюллер считает, что именно на основе сходства функции в предложении стало возможным употребление первоначально локативного окончания в функции датива (1978:78-80).

Подобно вышеупомянутым двум точкам зрения, Георгиев также предполагает заимствование окончания основы на **-й*, чтобы избежать угрозы синкретизма $D = L$, на основе морфологической и семантической связи между основами на **-ǫ* и на **-й* (1969:54-56). Под влиянием основ на **-ā*, *-jā*, *-i*, и частично консонантных

¹² Шелезникер замечает, что данное объяснение не ново, и ссылается на Лескина, Эндзелина и Коржинка.

основ, исходное окончание Lsg у основ на *-й стало употребляться и в функции Dsg, рядом с "правильным" *-ovi*. Отсюда оба окончания перешли в Dsg основ на *-ǫ.¹³ Причину того, что для избежания синкретизма флексией основ на *-й заменили именно флексию Dsg, а не Lsg основ на *-ǫ, болгарский лингвист видит в том, что последняя употреблялась чаще, и поэтому прочнее укоренилась в грамматической системе.

Если принимаем объяснение Шелезникера, Георгиева и Айцетмюллера, которые не исключают, а взаимно подтверждают друг друга, то нет надобности предполагать такие морфологические категории, существование которых доказать нелегко.

2.1.6 Isg: *-омь* (на севере *-ьть*)

Окончание Isg у существительных основ на *-ǫ в индоевропейском языке было *-ē/*-ō (ср. Семереньи 1980:199), которому в праславянском соответствовало бы окончание *-а, из-за известных фонетических закономерностей. Так как в Gsg также находим *-а*, предполагается, что новая флексия *-ть была введена для избежания нежелательного синкретизма. Существует такое мнение, что остатки старого *-а сохранились в наречиях типа стсл. *въчера* (ср. р. *вчера*) в отдельных славянских языках (ср. Vaillant 1958:32-33; Георгиев 1969:57; Bräuer 1969:23), в то время как рефлексy *-ē обнаруживаются в наречиях типа стсл. *добрѣ* (Мейе 1951:327).

Элемент *-т-* вероятно оказывался в Isg основ на *-ǫ из другой парадигмы, или из других форм той же парадигмы (ср. Мейе 1951:312-313; Bräuer 1969:23). Mareš (Mareš 1963:65) и Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:80) предполагают влияние основ на *-й, а Георгиев — влияние местоименного склонения (1969:57).

Флексию *-ьть, встречаемую в северных славянских диалектах, Фурдал (Furdal 1961:62) считает инновацией, в то время

¹³ Флексия *-ovi* в парадигме существительных на *-ǫ играла только вторичную роль (на месте *-и*).

как Станг утверждает, что из окончаний *-омь и *-ьть последнее является более древним, в западных и восточных языковых областях употреблялось исключительно оно (кроме чешской и словацкой), варианта *-омь там не было. Поэтому южную форму следует считать праславянским диалектальным вариантом (Stang 1964:191-192).

2.1.7 Lsg: -ě

Славянское окончание обычно принимается за продолжение индоевропейского Lsg *-oi (ср. Семереньи 1980:199). Такого мнения придерживаются например Мейе (1951:327), Вайан (Vaillant 1958:30-31), Бройер (Bräuer 1969:23-24), Мареш (Mareš 1963:65) и Георгиев (1969:13), предполагая регулярное фонетическое изменение.

По мнению Шелезникера славянское окончание Lsg -ě не унаследовано из индоевропейского языка, а является инновацией по аналогии основ на *-ā, как об этом писали уже Ягич и Педерсен. Окончание Lsg -ě у существительных на *-ā первоначально выступало как флексия Dsg, так как в данной парадигме, как и в других индоевропейских языках, не было самостоятельной морфемы Lsg. Окончание -ě основ на *-ō также следует считать флексией Dsg, которая — по аналогии основ на *-ā — стала выполнять и функцию локатива, поскольку первоначальные флексии Lsg (-a и -y) постепенно приобрели функцию Gsg. Для функционального изменения D → L морфологическое обоснование можно найти у основ на *-ī, где два падежных окончания с самого начала были тождественны, несмотря на интонационные различия (1964:18). Подобное объяснение предлагает и Г. Гольцер (Holzer 1980:12).

Айцетмюллер сомневается в правильности такого мнения, так как невероятно, что датив, будучи падежом направления (Richtungskasus), одновременно выполнял и статичную функцию локатива (Ortskasus). Кроме того, трудно доказать, что окончание Gsg -a действительно происходит из Lsg, а не из отложительного падежа. Влияния основ на *-ā австрийский славист не исключает.

Айцетмюллер в свою очередь окончание *-ě* считает региональной (балто-славянской, индоиранской) инновацией (Aitzetmüller 1978:81).

Заслуживает внимания мнение, согласно которому в индоевропейском языке не было самостоятельного окончания местного падежа, а вначале одна флексия (основа + **-i*) обозначала как датив, так и локатив. Таким образом более правильно говорить о падеже D-L, который лишь позже разделился в истории отдельных славянских языков (ср. Kuryłowicz 1964:190-196; Кузнецов 1961a:26, 35; Топоров 1961:285, 349). Курилович приводит следующие аргументы за данную точку зрения: 1) окончание локатива **-i* и окончание датива **-oi* являются лишь аблаутными вариантами; 2) часто встречается колебание в употреблении двух флексий например в Ригведе; 3) в греческом D и L функционально совпали; 4) в современных "аналитических" языках наблюдается возникновение нового датива, который выражается через предлоги, управлявшие первоначально местным падежом (ср. *ad* в романских языках, *to* в английском, *aan* в голландском, *at* в шведском, *til* в датском)(190-191).

На основании такой теории возможно объяснить не только синкретизм Dsg = Lsg у основ на **-i*, но и взаимодействие между двумя падежами в других парадигмах, т. е. ту морфологическую и семантическую базу, на которой строятся несколько вышеприведенных объяснений по аналогии (в связи с флексией как Dsg, так и Lsg).

2.1.8 Npl m: -i

Индоевропейское окончание Npl у существительных с основой на *-ō было *-ōs (в среднем роде *-ā), но в целом ряде языков (в староирландском, греческом, латинском, балтийских и славянских языках) доказуема инновация *-oi, которая по Семереньи происходит из системы местоимений (посредством прилагательных)(1980:197-198).

Что же касается его дальнейшего развития на славянской почве, то мнения ученых расходятся. *Мейе* (1951:327-328, 122) считает, что окончание -i могло возникнуть фонетическим путем из дифтонга *-oi, также как окончание -ě. Разнонаправленное развитие, однако, нельзя приписать отличиям в интонации, а настоящая причина остается нераскрытой.

В последнее время только *Бройер* (Bräuer 1961:103-104; 1969:25) придерживается мнения, что судьба флексии *-oi в славянском зависела от качества интонации. Если данное окончание было под нисходящей интонацией (Lsg), то результатом морфологического изменения был *-ě, а под восходящей интонацией — *-i. Такой взгляд основывается в первую очередь на данных греческого языка, но оставляет без внимания следующее: 1) в литовском восходящая интонация встречается лишь в Npl прилагательных, а у существительных выступает нисходящая интонация; 2) окончание 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения, происшедшее из индоевропейского опатива *-oi, в славянском было *-i, хотя и в греческом, и в литовском находим нисходящую интонацию (ср. Schmalstieg 1983:75-76).

Шмалстиг ищет причины различных рефлексов в различающихся условиях динамического ударения. По его мнению вначале обе морфемы могли быть ударными или безударными, и отдельные окончания лишь позже закрепились за конкретными падежными категориями. Тем не менее, американский лингвист не исключает возможности влияния на различное фонетическое развитие морфологических или семантических факторов.

Гылыбов выводит окончание Npl *-i* из предположенного им **-ois* следующим образом: **vľkois* > **vľkēs* > **vľkis* > **vľki* (ср. стсл. вљци), так как флексия **-oi* фонетически перешла бы в *-ě*, точно так, как в Lsg. Согласный *-s* по Гылыбову происходит из индоевропейского **-ōs*, и подобно Марешу (Mareš 1963:55) болгарский славист предполагает контаминацию между окончаниями местоимений и существительных: **toi vľkōs* > **tois vľkois* > **ti vľci* (Gălăbov 1973:14-15). Если, однако, допускаем существование конечного **-s*, и его влияние на фонетические процессы, то не можем объяснить литовскую форму Npl *vilkai* (ср. Георгиев 1969:57).

Фейнберг предлагает морфонологическое объяснение (Feinberg 1978:116). Он считает, что тематический гласный флексии **-o + i* в определенных условиях, в силу морфологических причин, чередовался с *-u*. В Npl, где нужно было избежать нежелательного синкретизма, развитие было следующее: **-o-i* > **-u_i* > **-ə_i* > **-ī* > *-i*. Доказать существование дифтонгов **-u_i* и **-ə_i* в праславянском языке, конечно, нелегко, поэтому теория Фейнберга тоже не без проблем.

Из-за фонетических трудностей, пожалуй, более вероятным кажется морфонологическое объяснение. Вайан (Vaillant 1958:33-34), Георгиев (1969:57) и Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:81-82) одинаково придерживаются мнения, что дифтонг **-oi* (**-ai*) в славянском монофтонгизировался в *-ě*, поэтому окончание Npl *-i* может происходить лишь из основ на **-jō*. Такой взгляд морфологически приемлем, но не дает объяснения форм 2-го лица императива на *-i* (*-oi*) типа стсл. бери, неси и т. д.

2.1.9 Apl m: -y

Реконструированное индоевропейское окончание — это **-ons* (ср. Семереньи 1980:198), из которого праславянское окончание возникло фонетическим путем. Так считают например Мейе (1951:121), Вайан (Vaillant 1958:34-35), Бройер (Bräuer 1969:27), Кузнецов (1961a:63), Арумаа (Arumaa 1964:116), Мареш (Mareš

1963:53), *Шмалstieg* (Schmalstieg 1983:77), *Айцетмюллер* (Aitzetmüller 1978:82), *Фейнберг* (Feinberg 1978:112-114), *Велчева* (1980:325), *Добрев* (1982:30, 32), *Шевелов* (Shevelov 1964:333), *Гылыбов* (Gäläbov 1973:10), *Шелезникер* (Schelesniker 1964:35), *Труммер* (Trummer 1978:260) и *Принц* (Prinz 1977:263).

Кажется, только В. Георгиев не принимает фонетическое объяснение, поскольку в рамках его теории **-ons* и в конце, и в середине слова должно измениться в *-o* в славянском. Поэтому он и здесь предлагает морфологическое объяснение, исходя из того, что *ApI* существительных мужского рода в праславянском был **-ōs* (вариант окончания **-ons* по сандхи), который фонетически перешел бы в **-a*. Так как такое окончание совпадало с флексией *NAdu*, на его месте возникла новая флексия *ApI -u* (из основ на **-ū*, ср. 1969:58, 43). Так как Георгиев не может убедительно опровергнуть развитие **-ons* > *u*, здесь незачем предлагать морфологическое решение вместо фонетического. Поведение любого сочетания звуков внутри слова не может определять его поведение в конечном положении — это очевидно по данным многих языков.

Изменение же **-jons* > *-je* в отдельности не доказывает исключительности процесса **-ons* > **-o*. Задние носовые гласные, как известно, более неустойчивы, чем их передние эквиваленты (ср. Мейе 1951:121, 52).

2.1.1 Gpl: -ь

Данное окончание характеризует не только существительные с основой на **-ō*, но все типы склонения, за исключением мягких парадигм, где оно выступает как *-ь*. Индоевропейская флексия *Gpl* была **-ōm/-ōm* (ср. Семереньи 1980:170, 198).

Часть исследователей придерживается мнения, что окончание *-ь* у основ на **-ō* является окончанием **-ōm* (ср. Mareš 1963:55; Мажюлис 1965:24-26; Hamm 1966:48; Horálek 1967:156; Prinz 1977:268; Wernke 1984:145), которое впоследствии сократилось. Неясно, однако, что вызвало данное изменение в количестве

гласного, потому что реконструированная нисходящая интонация вряд ли могла оказать такое влияние (ср. *Meiße* 1951:315)¹, а флексия **-ōm* вероятно першла бы в *-y* (ср. *Vaillant* 1958:36). Поэтому более распространен взгляд, что исходное индоевропейское (и праславянское) окончание было кратко: **-ōm* (ср. еще *Bräuer* 1969:26; *Schelesniker* 1964:33; *Кузнецов* 1961a:68-72; *Топоров* 1975:290-291; *Kortlandt* 1978:294; *Aitzetmüller* 1978:82; *Trummer* 1978:260; *Добрев* 1982:117, 196-199; *malstieg* 1983:76-77). Существительные с основой на **-ō* и **-ā*, по всей вероятности, заимствовали данное окончание из других основ. Кроме того, оно первоначально не было окончанием родительного падежа ввиду того, что генитив — как мы это отметили в связи с *Gsg* — сравнительно молодая морфологическая категория. Универсальность флексии **-ōm* также указывает на более общую функцию: *Бройер* и *Шелезникер* считают ее несклоняемым суффиксом прилагательных, *Добрев* — притяжательным показателем, *Кортландт* — формой сказуемого, которая позже перешла в притяжательное прилагательное, а *Айцетмюллер* — локативной частицей. Все соглашаются, однако, с тем, что флексия **-ōm* лишь позже стала окончанием *Gpl*.

Вышеуказанные различные мнения имеют важный общий признак: они все принимают изменение в конце слова **-ōm > *-ь*, которое совпадает с фонетической историей *Asg m* (ср. 2.1.3). Поэтому неудивительно, что *Георгиев*, который вообще отрицает существование особых фонетических законов в конце слова, и здесь предполагает морфологическое развитие. Он считает возможными два объяснения: а) славянское окончание *-ь* является продолжением диалектального **-m̄*, которое выступало в консонантных основах (вероятно в тех случаях, где ударение падало на корень); б) славянская флексия *Gpl* первоначально представляла собой морфему *Lpl* в местоименном склонении и в парадигме основ на **-os/*-es*, которая позже получила и функцию *Gpl*, и распространилась и в других парадигмах (1969:134-136). Что касается первой возможнос-

¹ К подробному объяснению см. *Kortlandt* 1978:281-282.

ти, сам Георгиев признает, что положенное им окончание **-m̄* отсутствует в остальных индоевропейских языках, поэтому его существование трудно доказать.

Второе его объяснение исходит из окончания **-sū*, которое у основ на **-os/*-es* действительно дает рефлекс **-ь*, ввиду того, что согласный **-s-* устраняется из флексии, в соответствии с законом открытого слога: **nebhes-su* > **nebesъ*. Такая словоформа, однако, не встречается в функции Lpl¹⁵, лишь как Gpl. (Опять-таки, если принимаем изменение **-ōm* > *-ь*, форму Gpl *nebesъ* можно фонетическим путем вывести из **nebhesōm*.) Итак, нет непосредственного доказательства того, что окончание генитива действительно происходит из локатива. Помимо того, поскольку флексия **-sū*, за исключением основ на **-os/*-es*, везде четко отделяется от основы, согласный элемент *s* пропал бесследно даже в основах на гласный. Также неясно: 1) почему именно основы на **-os/*-es* принимают окончание Lpl и в Gpl 2) каким было исходное окончание Gpl 3) почему оно пропало без следа

Из-за приведенных трудностей морфологического объяснения, фонетическое — (особенно **-ōm* > *-ь*) кажется более вероятным и приемлемым.

2.1.11 Ipl: -у

Индоевропейское окончание реконструировано как **-ōis* (ср. Семереньи 1980:198-199), оно выступало исключительно в данной функции, поэтому восстановление фонетического развития нелегко.

Мейе считает, что развитие **-ōis* > **-ū* > *-у* было возможным, так же как процесс **-ōi* > *-и* в Dsg (см. 2.1.5), причем два изменения подтверждают друг друга (1951:123). Вайан ищет тоже фонетического решения, но он пытается вывести славянское окончание из балто-славянской морфемы **-uois* (**-ōis*) (Vaillant 1958:37,

¹ Уже в старейших памятниках выступает окончание из основ на **-ī* (-и҃ъ, -е҃хъ, ср. Diels 1932:171).

1950:213). По мнению *Дуриданова* (который, в свою очередь, ссылается на *Педерсена*) данная флексия першла следующее развитие: $*-\bar{o}is > *-\bar{u}is > *-\bar{u}us > *-\bar{u} > -y$ (1968:23-24). *Добрев* реконструирует фонетическое изменение следующим образом: $*-\bar{o}is > *-\bar{o}s > -y$, без каких-либо комментариев (1982:30, 33).

Согласно другим подходам, славянское окончание *Ipl* $-y$ не могло возникнуть фонетическим путем из ие. $*-\bar{o}is$, следовательно, тут следует предположить морфологическое решение. *Бройер* (*Bräuer* 1969:27) и *Гылыбов* (*Gäläbov* 1973:15) равным образом предполагают влияние по аналогии основ на $*-j\bar{o}$, где окончание *Ipl* $-i$ является результатом регулярного фонетического развития.¹

Поскольку в других падежных категориях твердые и мягкие варианты определенных окончаний четко отличаются друг от друга (ср. $-\bar{z} : -\bar{z} : -\bar{o}t\bar{z} : -\bar{e}t\bar{z}$ и т. д.), и в *Ipl* восстанавливается оппозиция: $-y : -i$. *Айцетмюллер*, однако, указывает на то, что задний эквивалент переднего окончания в славянском был не $-y$, а $-\bar{e}$, как об этом свидетельствует и флексия *Lsg* (*Aitzetmüller* 1978:82), поэтому влияние основ на $*-j\bar{o}$ маловероятно.

Георгиев предполагает влияние основ не на $*-j\bar{o}$, а на $*-\bar{u}$ (1969:60-61, 75-76). Правда, у основ на $*-\bar{u}$ первичным окончанием *Ipl* обычно считается $-\bar{z}mi$, а $-y$ приписывается влиянию со стороны основ на $*-\bar{o}$, по *Георгиеву* оба окончания возникли внутри парадигмы существительных на $*-\bar{u}$ как варианты по сандхи: $-\bar{z}mi/-y < *-\bar{u}mis/*-\bar{u}ms$, путем регулярного фонетического развития.

олгарский лингвист подкрепляет свое предположение тем, что в литовском языке можно найти варианты окончаний в нескольких парадигмах, напр. *sūnumis/sūnum̃s*. *Мажюлис*, однако, указывает на то, что литовская флексия $-\bar{u}m̃s$ является вторичной, так как происходит из $-\bar{u}mis$ (1973:20), поэтому точку зрения *Георгиева* нельзя доказать.

¹ о *Гылыбову* из $*-\bar{o}is$ также возникает $-i$.

Ввиду того, что предположение влияния ни со стороны основ на **-jǫ*, ни со стороны основ на **-ǫ*, не решает удовлетворительно проблемы возникновения флексии *-у*, фонетическое объяснение кажется более приемлемым, хотя вопрос пока остается открытым (ср. Кузнецов 1961а:75-78).

В заключение отметим морфологическую теорию Фейнберга (Feinberg 1978:116), согласно которому тематический гласный *-и-* окончания **-o-is* выступает в ступени чередования *-и-*, потом возникшее таким путем окончание **-u-is* переходит в *-у*. Чередование *o ~ u*, по мнению Фейнберга, в данном случае может быть обосновано тем, что необходимо было избежать синкретизма с *GLdu* и *Dsg*. Фонетическая часть данного объяснения — вне рамок теории американского слависта — является проблематичной, ведь развитие **-uis > -у* не убедительнее, чем вышеуказанное **-ōis > -у*.

2.1.12 *Lpl*: - ě ъ (- ъ во всех парадигмах)

Окончание *Lpl* в индоевропейском языке было **-oisu*, элемент *-oi-* в нем происходит из местоименного склонения (ср. Семереньи 1980:198). Индоевропейской флексии в праславянском соответствовала флексия **-ěxъ*, как результат фонетического развития. Рядом с реконструированным окончанием довольно рано встречается в славянских памятниках и окончание *-охъ*, которое Жеховска считает архаизмом, древним окончанием основ на **-ǫ* (Georgowa 1966:35 и сл.). Из-за реконструированной флексии и потому, что в ранних памятниках *-охъ* встречается почти исключительно в существительных с основой на **-ǫ* (ср. Diels 1932:157), где предположение изменения *ь > o* фонетически обосновано (на основе положения редуцированного гласного), данное мнение не пользуется популярностью.

Окончание **-oisu* является сложным по составу: *-oi-* может происходить или из местоименного склонения, или из *Lsg* (ср. Aitzetmüller 1978:82), *-s-* выступает как показатель множественного числа, а *-и-* — как частица (ср. Schmalstieg 1983:78). С точки зрения

фонетического развития структура окончания не имеет значения, предположение праславянской формы *-ǣxъ* фонетически безусловно оправдано (ср. Мейе 1951:316-317; Vaillant 1958:36; Bräuer 1969:27-28; Mareš 1963:64).

По мнению Мажюлиса (1973:18-21) общая балто-славянская флексия была **-ais*, которая выполняла функцию как творительного, так и местного падежей (*ī*), а в дальнейшем она стала выступать как окончание *Ipl* в балтийских языках, и как окончание *Lpl* (с прибавлением элемента *-u* (< **-su*) из атематического склонения) в славянском. Точке зрения Мажюлиса противоречит тот факт, что синкретизм *Ipl=Lpl* чужд славянскому склонению.

Славистов давно занимает вопрос старочешских топонимов типа *Dolás*, *Polás*. Некоторые исследователи считают данные словоформы существительными *Lpl*, которые сохранили первоначальное индоевропейское окончание **-su* (> *-sъ* > *-s*), подобно местоимениям *nasъ*, *vasъ* (ср. Мейе 1951:339; Vaillant 1958:188; Bräuer 1969 II:49-50; Mareš 1963:59). Штибер (Stieber 1979:135-136) разделяет такой взгляд, но предполагает, что данное архаичное окончание встречалось не только на чешской территории, но и на южнославянской, ср. например сбх. *Vrbas*. Более правдоподобным кажется нам мнение Роспонда, который считает, что толкование вышеупомянутых топонимов как форм *Lpl* (**Doljan-su* > **Dolešъ* > *Dolás*) ошибочно ввиду следующих факторов: 1) топонимы не подходят для морфологической реконструкции; 2) в источниках, написанных на латинском языке, славянские топонимы встречаются в именительном падеже; 3) окончание *-as* выступает лишь в названиях определенных местностей на смежных чешско-немецких территориях, часто в нелокативном контексте; 4) окончание *-as* является результатом морфологической субституции: *-an* + немецкое *-s* (Rospond 1969:5-26).

2.2 Флексии существительных с основой на **-ā*

В соответствии с выше уже сформулированными принципами, и в этой парадигме мы коснемся происхождения лишь некоторых, довольно спорных окончаний, а именно: Gsg, NApl.

2.2.1 Gsg: -у

Реконструированное индоевропейское окончание — **-ās*, а славянская флексия происходит наверно не из него, а из морфемы **-āns*, более позднего происхождения, ср. Семереньи 1980:202¹.

Некоторые исследователи пытались вывести праславянское окончание -у из ие. **-ās*, предполагая сужение гласного перед -s, ср. Мейе 1951:121, 318; Гылыбов (Gäläbov) 1973:10; Принц (Prinz) 1977:262; Велчева 1980:325. Об изменениях ие. **-nōs*, **-vōs* > стсл. ны, кы Мейе отмечает, что предположение не очень надежное, так как допустимо, что исходные формы содержали носовые гласные. Таким образом вышеуказанный процесс в конце слова остается без опоры, потому что согласный -s сам по себе не мог вызывать такое сильное сужение предшествующего гласного (ср. Кузнецов 1961a:73).

Мажюлис (1965:21-22; 27) предполагает, что внутри раннего праславянского периода существовал этап, когда у фонемы **ō* было два позиционного варианта: в открытом слоге аллофона **ō̄*, а в закрытом слоге аллофона **ō̆*. Последний вариант путем фонетически регулярного развития стал более узким и перешел в у: так возникло окончание Gsg. На славянской почве, однако, затруднительно доказать существование закрытой аллофоны, без которой предложенное Мажюлисом фонетическое развитие несправедливо.

Другие исследователи придерживаются мнения, что окончание Gsg -у происходит из флексии **-āns*¹⁸, которая совпадает с окончанием Apl, и может считаться как заимствование последнего по аналогии. Присутствие носового согласного -n- дает больше

¹ Семереньи основывает свой взгляд на теории Шмалстига (1968).

¹⁸ поскольку окончание **-ās* > **-ā* совпало бы с флексией Nsg.

основания для особого изменения в конце слова, чем *-s-* один, ср. *Вайан* (Vaillant) 1958:81; *Бройер* (Bräuer) 1969:103-104; *Мареш* (Mareš) 1963:56, 68; *Добрев* 1982:33; *Труммер* (Trummer) 1978:260. Толчком заимствования *Apl* → *Gsg*, может быть, послужил синкретизм *Gsg=Npl=Apl* у основ на **-ī*, посредством или без посредства основ на **-jā*.

Уравнение по аналогии иного типа предполагает *Шмалстиг* (Schmalstieg 1968, 1971, 1983:89), приписывая важное значение окончания членных форм прилагательных. Суть теории Шмалстига следующее: окончанием *Apl* членных форм прилагательных женского рода было **-āNs-jāNs*, которое в результате удлинения и деназализации в конечном слоге стало выступать в форме **-āNs-jās*; поскольку флексия *Apl* существительных с основой на **-ā* (**-ās* < **-āNs*) совпадало с флексией *Gsg* **-ās*, и прилагательные приняли флексию *Apl* **-āNs-jās* вместо первоначального окончания *Gsg* **-ās-jās*. После того как назализация опять стала возможной в конечном положении, на месте **-āNs-jās* появилось **-āNs-jāNs*, и окончание **-āNs* прилагательных перешло и в *Gsg* существительных, не только в *Apl*. В конечном итоге эта флексия **-āNs*, подобно флексиям *Apl* у основ на **-ō*, **-ā* и **-ū*, дала *-y*. Хотя данное объяснение довольно новое, его в принципе нельзя исключать: если принимаем, что флексии местоимений могут оказать влияние на парадигмы существительных, то такую возможность следует допускать и в связи с прилагательными.

Существует и такое мнение, согласно которому изменение **-āns* > *-y* фонетически невозможно, славянское окончание *Gsg* могло возникнуть только из флексии **-oNs*, ср. *Топоров* 1975:289-293 (ссылаясь на Кноблоха) и *Гольцер* (Holzer) 1980:10. Гольцер принимает предположение Леманна о происхождении флексии **-ons* из основ на **-n*: **цод-ons* > *vody* (ройер тоже не исключает такой возможности, ср. 1969:14). *Кузнецов* (1961a:73) из-за мягкого варианта также считает первоначальное окончание **-ons* наиболее вероятным, поэтому нет причин для влияния со стороны основ на

*-и, если на такое влияние в системе склонения ничего другого не указывает.

Топоров исходит из того, что при допущении в Gsg наличия элемента *-т* + окончания *-s*, можно единым образом объяснить происхождение двух различных флексий (*-у* в твердой и *-ѣ* в мягкой парадигме). В деклинационной системе индоевропейского праязыка Gpl является единственным падежом во множественном числе, в котором отсутствует окончание *-s*. В славянском склонении *-s* прибавляется к Gsg: Gsg **-om-s* : Gpl **-om*. Флексия **-om-s* либо вытеснила первоначальную **-ās*, либо последнего окончания вообще не существовало. Что касается внутренней структуры флексии **-om-s*, Топоров указывает на то, что элемент *-т*-ассоциируется с винительным падежом, а *-s* — с именительным. Таким образом, данная морфема Gsg отражает отношение между падежами внутри структуры склонения, где генитив мотивируется как именительным, так и винительным падежами, в то время как аккузатив — лишь именительным падежом (ср. Kuryłowicz 1964:188). Свою теорию Топоров подкрепляет параллельными типологическими данными из разных славянских и неславянских, индоевропейских и неиндоевропейских языков. С методологической точки зрения работа Топорова заслуживает особого внимания, в первую очередь потому, что она подчеркивает большое значение типологического анализа в сравнительно-исторических исследованиях.

Менее убедительно предположение *Георгиева* (1969:87-89) о происхождении славянского окончания Gsg *-у* из флексии Ablsg (отложительного падежа единственного числа) **-ū(d)* у основ на **-ū*. Несмотря на то, что такой подход фонетически возможен, трудно принимать существование окончания **-ū(d)*, с одной стороны, и влияние непродуктивной основы на **-ū*, с другой.

Интересно, хотя не совсем оригинально объяснение *Шелесникера* (Schelesniker 1964:22-29, 1967:125), согласно которому окончание Gsg у основ на **-ā* (*-у*) происходит оттуда же, откуда и окончание Gsg у основ на **-ǫ*: из старой флексии Lsg (см. 2.1.4). Локативный характер морфемы *-у* находит синтаксическую под-

держку в выражениях типа стсл. *сѹ жены, до земли*. Шелезникер реконструирует фонетическое развитие следующим образом: **-ōm* (> **-ūm*) > *-y*. Айцетмюллер (Aitzetmüller 1978:86-87), который принимает теорию Шелезникера, такое решение вопроса более правдоподобно, чем предположение *Apl* → *Gsg* по аналогии основ на **-ī*. Ввиду того, что вышеизложенная точка зрения объясняет происхождение окончаний в парадигмах основ на **-ō*, **-jō*, **-ā* и **-jā*, с должной синтаксической аргументацией, с ней обязательно следует считаться как одним из возможных решений данной проблемы.

Наконец напомним теорию Фейнберга (Feinberg 1978:115-116), посвященную флексии *Gsg*, в которой идет речь и о происхождении окончаний *NApl* и *Gpl* у основ на **-ā/*-jā*. Американский славист считает, что до падения конечного **-s* в парадигме основ на **-ā* в функции *Nsg* выступала нулевая морфема, в *Asg* — **-N*, в *Gsg* — **-s*, в *Npl* — также **-s*, в *Apl* — **-Ns*, а в *Gpl* — **-N*. По Фейнбергу после утраты **-s* окончание **-N* стало общим (за исключением *Nsg*). Между тем появился вариант *ū* тематического гласного *ō* во всех окончаниях кроме *Nsg* и *Asg*:

	sg	pl
N	<i>*-ō-∅</i>	<i>*-ū-N</i>
A	<i>*-ō-N</i>	<i>*-ū-N</i>
G	<i>*-ū-N</i>	<i>*-ū-N</i>

Вариант *u* чередования *o ~ u* появляется в следующих случаях (с учетом того, что мы отметили в связи с основами на **-ō*, см. 2.1.1): в именительном и винительном падеже существительных мужского и женского рода, в родительном падеже у основ на **-ō* и **-ā*, и в творительном падеже у основ на **-ō*. (Может быть, и в *Ipl* и *Npl* (m) у существительных с основой на **-ō*.)

Строго структурная теория Фейнберга, которая безусловно имеет нечто общее с теорией о морфологической энтропии Хамма, непременно заслуживает внимания и дальнейшего анализа.

2.2.2 : -

Первоначальная индоевропейская флексия была **-ās* (ср. Семереньи 1980:202), из которой, по мнению некоторых славистов, возникла соответствующая славянская флексия путем сужения гласного (ср. Мейе 1951:121, 318-319; Gălăbov 1973:10; Prinz 1977:262). У славистов все-таки большей популярностью пользуется мнение, что окончание Npl -у представляет собой заимствование флексии Apl **-āns*, по образцу основ на **-ī* и атематической парадигмы (ср. Vaillant 1958:83-84; Mareš 1963:56, 68; Bräuer 106-107; Trummer 1976:260; Holzer 1980:10; Hamm 1966:48; Дуриданов 1968). Хотя данные индоевропейских языков и в Apl указывают на реконструированное окончание **-ās*, возможно, что праславянский язык по аналогии восстанавливал исходную морфему **-āns*, подобно греческому и итальянским языкам.

Шмалстиг объясняет происхождение Npl -у так же, как Gsg, но как альтернативное решение отмечает еще одну возможность (см. 2.2.1). Итак, он допускает, что в Apl имелось два стилевых варианта окончания: флексия **-ās* (в быстрой речи) и ее разновидность **-āNs* (в более медленной речи). На основе варианта **-ās* флексию Apl стали отождествлять с окончанием Npl и Gsg. По Шмалстигу **-āns* переходит в -у путем регулярного фонетического развития (1983:92).

Шелезникер (1964:36-39) и *Айцетмюллер* (1978:88) равным образом придерживаются такого мнения, что окончание NApl -у нельзя вывести ни из морфемы **-ās*, ни из **-āns*, а тут следует предполагать заимствование по аналогии. Флексия Apl существительных с основой на **-ō* (**-ons* > -у) стала употребляться и в функции Apl у основ на **-ā*, откуда она распространилась и на Npl. *Георгиев* (1969:93-94) считает, что фонетическим рефлексом

*-āns в славянском не может быть -у, поэтому он предлагает морфологическое объяснение. Как в случае окончания Gsg, болгарский лингвист и здесь предполагает влияние основ на *-ī: *-ūns > *-ūs > -у. Георгиев приписывает основам на *-ī подобную роль в связи с основами на *-ā, какую имели основы на *-ī в связи с основами на *-ǫ. Такое мнение, однако, является довольно проблематичным.

3 Заключение

Историческая морфология славянских языков является слишком молодой дисциплиной для того, чтобы сделать суммирующие выводы эпохального значения на ее нынешнем этапе. В связи с рассмотрением вопросов, поставленных во второй главе, без сомнения можно утверждать, что существует еще много открытых, ожидающих своего решения проблем, вопреки огромной — старой и новой — литературе, трактующей даже самые трудные случаи. Однако, в последнее время все конкретнее выделяется круг работ, действительно применимых к решению самых непростых вопросов. Все яснее вырисовывается теоретическая база, необходимая для успешной научной деятельности в области диахронной морфологии. Разные, возникшие во второй половине нашего столетия нередко независимо друг от друга теоретические работы, которые взаимно подтверждают друг друга, все больше подчеркивают правильность того пути, который предложил Роман Якобсон еще несколько десятилетий тому назад для решения проблем исторической лингвистики. Вслед за значительными результатами в описании языков и в исторической фонологии, *структурные методы* получили права гражданства и в диахронной морфологии. Благодаря этому уже существует теория для всестороннего анализа комплексных проблем, встречающихся на практике. Морфологические изменения открываются перед исследователями не как множество случайных, изолированно происходящих явлений, а как тенденции, осмысливаемые на основе определенной системы точек зрения. Эти тенденции пока далеко не предсказуемы ни в пер-

спективном, ни в ретроспективном направлении, но для них безусловно можно очертить границы, и идентифицировать их.

В исследовании грамматических *оппозиций*, в раскрытии их синхронных и диахронных отношений — особенно по поводу истории отдельных славянских языков — уже есть несомненные результаты, которые очевидны например в работах уравлева (1977), Деяновой и Станишевой (1976) или Комри (Comrie, 1978). Выяснилось, что проблемы морфологии нельзя решить без учета ее тесных связей со смежными языковыми уровнями — фонологией и синтаксисом. Также необходимо принимать во внимание семантические факторы и общие, действующие на всех языковых уровнях тенденции (упрощение, унификацию, симметрию и т. д.). Диахронное применение описательных принципов с использованием приведенных аспектов привело к тому, что на практике была доказана правильность структурного теоретического подхода, по крайней мере в связи с диахронным рассмотрением на письме хорошо отраженных языковых состояний.

Исследование раннего праславянского периода выдвигает новые проблемы, требующие введения новых, более специфичных средств их изучения, при соблюдении вышеуказанных методологических принципов. Возникающие в ходе реконструкции вопросы и трудности, которые до сих пор не удалось удовлетворительно решить, указывают на то, что сравнительно-исторические методы нуждаются в дополнении. Действенную помощь может оказать, прежде всего, *языковая типология*, применяемая в работах например Яacobсона (1958а), Топорова (1975), Добрева (1982) и других. *Инварианты*, обнаруженные в системе и развитии различных языков, способны дальше ограничить набор подходов, применимых к решению отдельных вопросов (ср. статьи Гринберга и других в монографии *Universals of Language*, 1963). Историческая типология тоже представляет собой еще оформляющуюся дисциплину, которая тем не менее сулит серьезные результаты. Предстоит и создание морфо(фо)нологической теории чередования флексий, зародыши которой можно найти в работах Хамма (1966) и Фейнберга (1978).

Приведенный здесь краткий обзор, конечно, нельзя считать исчерпывающим, его можно — и следует — дополнить ценными работами Георгиева, Мареша и прочих славистов. Поскольку в первой (и отчасти второй) главе подробно говорится о релевантных сочинениях, нет смысла повторять их здесь.

Наконец, важно отметить, что необходимость новой методологии не означает некритичного отказа от всех ранее применявшихся средств и методов. Поэтому не могут увенчаться успехом те попытки, которые направлены на опровержение звуковых законов и аналогии — двух основных принципов младограмматиков. Несмотря на то, что еще немало нерешенных вопросов в связи с аналогией, закономерное повторение фонетических изменений, впервые описанное Остгофом и ругманном, было и осталось одним из важнейших тезисов сравнительно-исторического языкознания. Нам кажется, что в исследовании грамматических морфем *приоритет и впредь принадлежит фонетическому анализу*: описание фонологического, а затем морфологического уровней языка должно основываться на адекватном фонетическом анализе.

Литература

Объяснение сокращений:

<i>AnzfsIph</i>	<i>Anzeiger für slavische Philologie</i>
<i>DS</i>	<i>Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae</i>
<i>FS</i>	<i>Folia Slavica</i>
<i>IJSLP</i>	<i>International Journal of Slavic Linguistics and Poetics</i>
<i>KZ</i>	<i>Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Begründet von A. Kuhn.</i>
<i>RES</i>	<i>Revue des études slaves</i>
<i>RS</i>	<i>Rocznik slawistyczny</i>
<i>ScSl</i>	<i>Scando-Slavica</i>
<i>SEEJ</i>	<i>Slavic and East European Journal</i>
<i>SEER</i>	<i>Slavonic and East European Review</i>
<i>TCLP</i>	<i>Travaux du Cercle linguistique de Prague</i>
<i>WdSl</i>	<i>Die Welt der Slaven</i>
<i>WslJb</i>	<i>Wiener slavistisches Jahrbuch</i>

Ахманова, О.С.

1969 *Словарь лингвистических терминов. Издание второе, стереотипное. (Москва)*

Балаж, Г.

1983 *Иконичность в истории русского склонения, DS, Sectio linguistica XV, 107-115.*

1984 *Опыт применения семиотических средств в исторической славистике, DS XVI, 131-143.*

Барнет, В.

1966 *О морфологических противопоставлениях в структурной диахронии, Travaux linguistiques de Prague 2, 193-205.*

Бернштейн, С.Б.

- 1958 *Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках*, Творительный падеж в славянских языках, под редакцией С.Б. Бернштейна (Москва), 5-40.
- 1968 *Введение в славянскую морфологию*, Вопросы языкознания 4, 43-59.
- 1974 *Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы.* (Москва)

Булаховский, Л.А.

- 1956 *Грамматическая индукция в славянском склонении*, Вопросы языкознания 4, 14-30.
- 1957 *Грамматическая индукция в славянском склонении*, Вопросы языкознания 3, 3-19.

Велчева, Б.

- 1980 *Отново за праславянския изглас*, В чест на академик Владимир Георгиев. Езиковедски проучвания по случай седемдесет години от рождението му, под ред. К. Чолакова и др., 323-328. (София)

Георгиев, В.И.

- 1968 *Фонематический и морфематический подход к объяснению флексии славянских языков*, Вопросы языкознания 4, 32-42.
- 1968а *За произхода на няколко славянски морфемни*, Славистични изследвания. Сборник, посветен на VI международен славистичен конгрес, 5-10. (София)
- 1969 *Основни проблеми на славянската диахронна морфология* (София)
- 1978 *Принципи на славянската диахронна морфология*, Славянска филология XV, 5-16.

Деянова, М. & Станишева, Д.

- 1976 *Изменения на морфологическом уровне, обусловленные явлениями синтаксиса* (= Славянско езикознание 1, София)

- Добрев, И.**
 1982 Старобългарска граматика. Теория на основите (София)
- Дуриданов, И.**
 1968 *За праславянския вокализъм*, Славистични изследвания. Сборник, посветен на VI международен славистичен конгрес, 17-25. (София)
- Журавлев, В.К.**
 1976 *Введение в диахроническую морфологию*, *Linguistique Balkanique/Балканско езиковедие* 19.2, 49-71; 19.3, 23-47.
- Казлаускас, И.**
 1968 *О балто-славянской форме дательного пад. мн. и дв. ч.*, *Baltistica IV (2)*, 179-183.
- Кузнецов, П.С.**
 1961 *Развитие индоевропейского склонения в общеславянском языке*, Исследования по славянскому языковедению, под редакцией Н.И. Толстого, 114-164. (Москва)
 1961а *Очерки по морфологии праславянского языка* (Москва)
- Мажюлис, В.**
 1965 *Некоторые фонетические аспекты балто-славянской флексии*, *Baltistica I (1)*, 17-30.
 1966 *К балто-славянской форме датива (мн. и дв. ч.)*, *Baltistica II (1)*, 43-53.
 1973 *Происхождение балто-славянских тематических форм instr. pl.*, *RS 34*, 17-21.
- Мейе, А.**
 1951 *Общеславянский язык*. Перевод с второго французского издания, просмотренного и дополненного в сотрудничестве с А. Вайаном. Перевод и примечания проф. П.С. Кузнецова. (Москва)
- Пауль, Г.**
 1960 *Принципы истории языка*. Перевод с немецкого под редакцией А.А. Холодовича (Москва)

Рудницький, Я.Б.

1982 *До передісторії праслов'янського визвуку*, Symbolæ in honorem Georgii Y. Shevelov. Збірник на пошану проф. д-ра Юрія Шевельова, под ред. W.E. Harkins, O. Horbatsch & J.P. Hursky (= Науковий збірник 7), 360-365. (München)

Русинов, Н.Д.

1981 *Зависимость изменений по аналогии от характера избыточности языковых элементов*, Проблемы развития языка, 48-60. (Саратов)

Семереньи, О.

1980 *Введение в сравнительное языкознание*. Перевод с немецкого Б.А. Абрамова (Москва)

Топоров, В.Н.

1961 *Локатив в славянских языках* (Москва)

1975 *Несколько соображений о происхождении флексий славянского генитива*, Bereiche der Slavistik. Festschrift zu Ehren von Josip Hamm, под ред. Ф.В. Мареша и др., 287-296. (Wien)

Якобсон, Р.

1958 *Морфологические наблюдения над славянским склонением. Состав русских надежных форм*, Selected Writings II, 154-183.

Aitzetmüller, R.

- 1978 *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft* (Freiburg i. Br.)

Andersen, H.

- 1971 *Osnovno problemi na slavjanskata diaxronna morfologija*. By VLADIMIR GEORGIEV., *Language*, Vol. 47, No. 4, 949-954.

Arumaa, P.

- 1964 *Urslavische Grammatik: Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. I.: Einleitung; 1. Teil: Vokalismus, 2. Teil: Betonung* (Heidelberg)

Birnbaum, H.

- 1979 *Common Slavic. Progress and Problems in its Reconstruction*. Reprint (Columbus: Slavica)

Birnbaum, H. & Merrill, P.T.

- 1985 *Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic (1971-1982)* (Columbus: Slavica)

Bräuer, H.

- 1961 *Slavische Sprachwissenschaft. I: Einleitung, Lautlehre* (= Göschen 1191/1191 a; Berlin: W. de Gruyter)
1969 *Slavische Sprachwissenschaft. II: Formenlehre, 1. Teil* (= Göschen 1192/1192 a/1192 b; Berlin: W. de Gruyter); III: *Formenlehre, 2. Teil* (= Göschen 1236/1936 a; Berlin: W. de Gruyter)

Cowgill, W.

- 1963 *A Search for Universals in Indo-European Diachronic Morphology*, *Universals of Language*, ed. J. Greenberg (Cambridge, Mass.: M.I.T.)

Diels, P.

- 1932 *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch. I: Grammatik* (Heidelberg)

Feinberg, L.E.

- 1978 *Thematic Vowel Alternation in Common Slavic Declension*, FS 2, 107-121.

Ferrell, J.

1965 *Some Observations on the Form of the Nominative and Vocative Singular of the *ǫ- and *jǫ-stems in Common Slavic*, ScSl 11, 93-109.

1967 *On the Prehistory of the Locative Singular of the Common Slavic Consonant Stems*, To Honor Roman Jakobson. (Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966) I, 654-661. (Mouton)

1971 *On the Slavic Nom.Sg. Masculine and Neuter of the Present Active Participle and the Problem of ě Tertium*, Studia Paleoslovenica, 85-93. (Prague)

Gäläbov, I.

1973 *Urslavische Auslautsprobleme*, WslJb 18, 5-17.

Greenberg, J.H. & Osgood, Ch.E. & Jenkins, J.J.

1963 *Memorandum Concerning Language Universals*, Universals of Language, ed. J. Greenberg, XXIII-XXIV. (Cambridge, Mass.: M.I.T.)

Hamilton, W.S., Jr.

1974 *Deep and Surface Changes in Four Slavic Noun Systems*, Linguistics 127, 27-73.

Hamm, J.

1962 *Iz prošlosti slavenske fleksije*, Slavica Pragensia IV, 157-169.

1966 *Entropy in Slavic Morphology*, IJSLP 10, 39-51.

Hoenigswald, H.M.

1963 *Are There Universals of Linguistic Change?*, Universals of Language, ed. J. Greenberg, 30-52. (Cambridge, Mass.: M.I.T.)

Holzer, G.

1980 *Die Urslavische Auslautgesetze*, WslJb 26, 7-27.

H. Tóth, I.

1983 *A szlavisztika újabb eredményei*, Szegedi Bölcsész-műhely '82, szerk. Róna-Tas András, 127-142.

Jakobson, R.

1929 *Remarques sur l'évolution du russe comparée à celle des autres langues slaves*, (= TCLP II) Selected Writings I, 7-116. (Mouton, 1971)

1931 *Principes de phonologie historique*, (= TCLP IV) Selected Writings I, 202-220.

1932 *Zur Struktur des russischen Verbums*, Selected Writings II, 3-15.

1958a *Typological Studies and their Contribution to Historical Comparative Linguistics*, Selected Writings I, 523-532.

Kortlandt, F.

1978 *On the History of the Genitive Plural in Slavic, Baltic, Germanic, and Indo-European*, *Lingua* 45, 281-300.

Koschmieder, E.

1956 *N. van Wijks Einwand gegen die 2. Metatonie*, Festschrift für Max Vasmer, 235-244.

Kuryłowicz, J.

1964 *The Inflectional Categories of Indo-European* (Heidelberg)

Lüdtke, H.

1966 *Gibt es Urslavische Auslautgesetze?*, *Annali dell'Istituto Universitario Orientale, Sezione Slava*. Napoli 9, 117-141.

Mańczak, W.

1969 *Nieregularny rozwój fonetyczny spowodowany częstością użycia w prasłowiańskim*, *Slavia* 38, 52-62.

1970a *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego* (Wrocław-Warszawa-Kraków)

1970b *W sprawie końcówek prasłowiańskich*, *Slavia* 39, 218-222.

Mareš, F.V.

1963 *Vznik a raný vývoj slovanské deklinace*, *Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii*, ed. B. Havránek, 51-69. (Prague)

1963a *Powstanie i wczesny rozwój deklinacji słowiańskiej*, *Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagellońskiego 60* (= *Prace językoznawcze 5*), 423-428.

- 1967 *The Historic Development of the Slavic Noun Declension I. The System of Categories*, *Slavia* 36, 485-506.
- 1968 *The Historic Development of the Slavic Noun Declension II. The Development of Forms*, *Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze*, ed. B. Havránek, 37-46. (Prague)
- Orzechowska, H.
- 1966 *Locativus pluralis na *-охъ w językach słowiańskich*, *RS* 26, 35-50.
- Prinz, J.
- 1977 *Die Entwicklung des slavischen Auslauts bis zum Wirksamwerden des Gesetzes der offenen Silben*, *Commentationes Linguisticæ et Philologicæ Ernesto Dickenmann, Iustrum claudenti quintum decimum*, ed. F. Scholz et al. (Heidelberg)
- Rospond, S.
- 1969 *Rzekomy staroczeski loc. plur. na -as*, *RS* 30, 5-26.
- Rudnyčkyj, J.B.
- 1966 *The Problem of Nom. Sg. Endings of ð-stems in Slavic*, *Orbis Scriptus. Dmitrij Tšišewskij zum 70. Geburtstag*, ed. D. Gerhardt, W. Weintraub & H.J. zum Winkel, 655-658. (München)
- Schelesniker, H.
- 1964 *Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen (Graz-Köln)*
- 1967 *Beiträge zur historischen Kasusentwicklung des Slavischen*, *AnzfsI Ph* 2, 122-130.
- Schmalstieg, W.R.
- 1965 *Slavic ð- and ā- Stem Accusatives*, *Word* 21, 238-243.
- 1967 *A Note on Certain Balto-Slavic Accusatives*, *Baltistica* III/1, 47-55.
- 1968 *Slavic Morpheme Alternants in ě/ę and a/y*, *SEEJ*, Vol. XII, No. 1, 44-52.
- 1971 *Die Entwicklung der ā- Deklination im Slawischen*, *ZfsI Ph* 36, 130-146.

- 1974 *Some Morphological Implications of the Indo-European Passage of *-oN to *-ō*; KZ 88, 187-198.
- 1983 *An Introduction to Old Church Slavonic*. Second Edition. Revised and Expanded (Columbus: Slavica)
- 1983a *Morphological Considerations on the Balto-Slavic Problem*, American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists, Vol. I: Linguistics, ed. M.S. Flier, 269-276. (Columbus: Slavica)
- Schmidt, K.H.**
- 1977 *Zum Problem des Genitivs der ö- Stämme im Baltischen und Slavischen*, Commentationes Linguisticæ et Philologicæ Ernesto Dickenmann, Iustrum claudenti quintum decimum, ed. F. Scholz et al., 335-344. (Heidelberg)
- Shevelov, G.Y.**
- 1964 *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic* (Heidelberg)
- 1965 *On Endings with Nasal Consonants after Palatal and Palatalized Consonants. An Inquiry into the Allophonic Structure of Common Slavic*, WdSI 10, 233-244.
- Stang, C.S.**
- 1964 *De l'instrumental singulier des thèmes en -o- en slave commun*, RES 40, 191-194.
- Stieber, Z.**
- 1971 *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Część II, Zeszyt 1: Fleksja imienna* (Warszawa)
- 1979 *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich* (Warszawa)
- Trummer, M.**
- 1978 *Zu den slavischen Nasalvokalen und den Partnern -y/-a:-ę/-ě in der Flexion*, WslJb 24, 254-261.
- Vaillant, A.**
- 1950/66 *Grammaire comparée des langues slaves. I: Phonétique*, 1950; II: Morphologie, 1. Flexion nominale, 2. Flexion pronominale, 1958, I & II (Lyon-Paris); III: Le Verbe, 1966 (Paris)

Žuravlev, V.K.

1977 *Die Dynamik baltoslavischer morphologischer Oppositionen,*
Indogermanische Forschungen 82, 191-225.